

изогнутыми бровями, окрашенными черной краской. Носы сильно выступающие, рот - с толстыми чувственными губами, тонко прорисованы уши, череп голый, так как всегда увенчан головным убором.

С разными вариациями, но все составные статуэтки передают образ сидящей женщины со спокойно сложенными на коленях руками, в пышных одеяниях типа кринолинов, украшенных резными "язычками". Лица статуэток однотипны, но головные уборы различны. В одном случае это гладкая повязка, охватывающая голову высоко вверху, в другом, наоборот, глухой головной убор типа колпака или тюрбана. Выделяется статуэтка с высоким головным убором прямоугольной формы, сзади доходящим до самых плеч. Причем контрастное сочетание белого и черного камня очень эффективно. Составные статуэтки Бактрии уникальны и лишь отдаленные параллели им можно найти в искусстве Ирана. Думается, что иранские составные статуэтки явились прототипами для бактрийских, хотя и претерпели здесь некоторые стилистические изменения. Помимо Бактрии и Ирана обломок такой статуэтки найден в Маргиане, что весьма знаменательно. Таким образом можно считать, что изготовление составных статуэток было занесено из Ирана в Бактрию и, добавим, в Маргиану, что в свою очередь указывает на общность культовых представлений племен всех этих регионов.

Особую группу составляют каменные коробочки, всегда выточенные из темного стеатита в форме почки (рис. 8, № 4). Низкий бортик украшен нацарапанным острым инструментом орнаментом, чаще всего в виде цепочки треугольников, реже — растительного узора. Назначение их с точностью не определяется, однако судя по всему, это были не бытовые, а скорее всего культовые изделия. Как правило, они встречались либо в могилах, либо в храме, как это с документальной точностью установлено при раскопках бактрийского монументального сооружения в пункте Даши-З. И кто знает, не выполняли ли они роль необходимых атрибутов при гаданиях, как это, например, практиковалось в более позднее античное время — по внутренностям животных, и в первую очередь по почкам.

Показательно, что дно одной из коробочек сохранило следы стерости до дырки, — в косвенной форме это может указывать на то, что в них перетирали какие-то вещества. В

одной из таких коробочек были обнаружены следы охры, что позволяет видеть в них действительно специфические изделия. Показательны также стеатитовые коробочки в форме не почки, а полумесяца, что скорее всего связано с астральными представлениями. В последние годы стеатитовые коробочки в виде почки найдены в Маргиане и Белуджистане, а вместе они отражают существование общих культовых атрибутов, используемых при ритуалах, что в конечном счете указывает на сходные верования народов, проживавших во II тыс. до н.э. в этой части юго-западной Азии. Возможно, в будущем они могут быть найдены и в смежных районах, и в первую очередь в восточном Иране. Но независимо от окончательного решения вопроса о первоначальном центре их происхождения, в Бактрии они нередко украшаются типично местными мотивами. Свидетельством тому служат гравированные изображения змееподобных драконов с бородками, а в одном случае — рогом на голове (рис 16, № 2). Они всегда показаны в явно агрессивной позе: с широко разинутой зубастой пастью, злыми глазами и высунутым языком. Змеи и драконы занимали едва ли не главное место в культовой символике Бактрии. Изображение их на таких коробочках играло роль оберегов. Думается, что устрашающий вид змееподобных драконов должен был охранить содержимое самих коробочек. В одном случае изображен скорпион, также занимавший особое место в древних верованиях. Одним словом, культовое, а не обычное бытовое назначение подобных коробочек, употреблявшихся при обрядовых церемониях, представляется и наиболее вероятным. Змееподобные драконы Бактрии с извивающимся туловом, уплощенной бородатой, увенчанной рогом головой, по общепринятому мнению, ближе всего напоминают месопотамских, откуда они скорее всего и попали в Бактрию и Маргиану. В Месопотамии они являются непременными атрибутами бога Нингизида, а в Сузах — бога Иншушинак, причем сходство их с бактрийскими изображениями вполне очевидно, что не оставляет сомнений в происхождении бактрийских от ирано-месопотамских прототипов.

Видимо, также культовым целям служили миниатюрные стеатитовые сосудики в виде мелких мисочек с невысокими бортиками. В одном случае бортики такого сосудика сохранили гравированные рисунки змееподобных драконов,

головы которых украшают рога и небольшие бородки, близко напоминая аналогичные на бактрийских сосудах в виде почек.

Нетрудно представить себе, как, сидя на корточках в отблесках горящих храмовых алтарей, жрецы и служки тщательно перетирали гадательные снадобья в каменных коробочках-почках и мелких мисочках с гравированными на них рисунками драконов.

Возможно, к этой же группе изделий относится небольшой пузатый стеатитовый сосудик, украшенный вставками в виде сердечек. Сосудик был без дна и имел сбоку специальное отверстие, что лишний раз указывает на его особое, не бытовое назначение.

Среди других каменных сосудов выделяются вазочки на высоких стройных ножках, но с непропорционально маленькими резервуарами, что как будто полностью исключает их обычное, бытовое назначение. Точно так же особое значение имеют миниатюрные сосудики типа закрытых чашечек с различными гравированными орнаментами, а в единичных случаях — украшенные лазуритовыми и костяными инкрустациями.

Возможно, культовыми предметами являются каменные конусики "пешки" и "столбики", круглые и четырехгранные в сечении, в единичных случаях украшенные бирюзовыми и лазуритовыми вставками. Относительно близкие типы изделий известны в восточном Иране, и особенно Маргиане, где они были встречены при раскопках храма Тоголок-21 и, судя по всему, использовались в культовых целях.

Особую группу составляют каменные, преимущественно стеатитовые, флаconы с гравированными геометрическими и растительными орнаментами, среди которых выделяются изображения, напоминающие бутоны мака. Бессспорно особое место занимает флаcon, все четыре стороны которого сохранили изображения, предположительно мака, и, наконец, расположенных друг против друга человеческих фигур: одна из них почти стерта, на другой — набедренная повязка. На дне флаconа имеется круглое отверстие, закрытое пробкой.

Исключительный интерес для реконструкции былых культовых представлений имеет флаcon, все четыре стороны которого украшены однотипным рисунком крылатой женщи-

ны, стройной и грациозной, стоящей в лодке, причем с обеих сторон от нее располагаются два цветка, видимо мака (рис. 13, N 5). Лицо ее тонко профилировано, на голове начальная лента, образующая своеобразный венок; грудь обнажена, нижняя часть фигуры в длинной, драпирующейся юбке.

Культовыми являлись так называемые миниатюрные колонки — изделия в виде столбиков высотой 40-50 см, выточенные из мраморовидных пород камня. На торцах у них гладко отшлифованные пазы, в единичных случаях концы их охватывают серебряные обоймы. Назначение колонок остается неясным, но обнаружение их археологами в могилах и храмах указывает на их особые, не бытовые функции. Добавим, что помимо Бактрии они известны еще в восточном Иране, Туркмении и Белуджистане. Особенно показателен факт обнаружения большого количества миниатюрных колонок в одном из храмов Маргианы, как это с документальной точностью установлено при раскопках поселения Тоголок-21. Здесь же отметим одну такую колонку из Бактрии. Выточенная из черного камня, она оказалась склеенной из двух частей, причем вся поверхность ее была инкрустирована вставками из белого камня в форме полукругов.

Хотя при научных раскопках древних памятников Бактрии не были встречены навершия булав, судить о их существовании можно по некоторым данным. Так, на антикварном базаре Кабула появились каменные и медные навершия булав, и в том числе украшенные резными орнаментами в виде извивающихся лент, возможно имитирующих змей.

Наиболее впечатляющим экземпляром среди бронзовых наверший является одно, украшенное девятью рельефно выступающими вперед головами баранов с круто закрученными ребристыми рогами. Можно не сомневаться, что навершия булав являлись символом престижности как светских, так и, в особенности, религиозных лиц, отмечая их высокий статус в местном обществе.

Среди бактрийских находок особое значение заслуживают медные, серебряные и золотые раstrубообразные изделия. Это трубочки, открытые с двух сторон: мундштук конусовидный, противоположный конец — раstrубообразный, корпус округлый. На одном таком серебряном экземпляре трубка украшена тремя женскими головками. Вне Бактрии такие трубочки известны еще в иранском Хорасане, причем,

хотя точное назначение их неизвестно, культовое представляется наиболее вероятным.

Заканчивая общий обзор древностей Бактрии эпохи бронзы можно сделать несколько в высшей степени знаменательных выводов. Общий комплекс материальной культуры Бактрии с бесспорностью свидетельствует, что это была высокоразвитая страна с оригинальной культурой древневосточного типа, близкой культуре Маргианы, что скрее всего объясняется общностью происхождения их населения. Вместе с тем вполне отчетливо выделяются связи, уходящие через иранский Хорасан в восточный Иран и далее в западном направлении вплоть до Сузианы, а в опосредованной форме — в Месопотамию.

Наряду с этим определенно можно говорить и о культово-религиозной общности Бактрии, в первую очередь с Маргианой, а затем Ираном вплоть до северной Месопотамии. Сказанное не только не исключает, а предполагает культурно-исторические связи, уходящие в Белуджистан и, возможно, в долину реки Инд. Но пока эти линии связей прослеживаются в самой общей форме, что в первую очередь объясняется их сравнительно слабой изученностью в археологическом отношении.

Глава. III. Маргиана мощная, верующая

Таинственная Маргиана, страна, расположенная на крайнем востоке Туркменистана, в Каракумах, давно вызывала интерес историков древности. Однако вплоть до начала ЧЧ в. все наши сведения о ней носили во многом отрывочный и полулегендарный характер. Было известно из древнеиранских клинописных данных, что где-то здесь располагалась страна Маргуш, или Маргиана греко-римских историков. По этим же данным считалось, что это была богатая и процветающая страна, земля которой славилась фантастическим плодородием. Но все эти сообщения были окутаны дымкой прошедших веков, где часто правда переплеталась с вымыслом и фантазией.

Может быть именно поэтому, уже вскоре после того, как Средняя Азия вошла в состав Российской империи, любитель старины генерал А.В.Комаров обратил внимание на величественные развалины в древнем Мерве, неподалеку от современного города Мары. Взяв солдат и рассыпав их цепочкой по всей длине памятника, он приказал им собирать все, что лежит на поверхности и привлекает их внимание. В результате генерал стал обладателем великолепной коллекции монет, гемм, статуэток, различных украшений античного времени.

Летом 1904 года американская археологическая экспедиция, получив разрешение на проведение раскопок в Туркмении, совершила разведывательный маршрут в Маргиане. Тщательно осмотрев развалины средневекового Мерва под современным названием Султан Кала и рядом расположенного античного поселения Гяур Кала, американцы отважились отправиться вглубь юго-восточных Каракумов. Проделав трудный, многодневный маршрут, они к северу от Султан Калы и Гяур Калы, в контактной зоне песков и такыров обнаружили много памятников более древнего времени. Так им удалось впервые установить, что в древности жизнь существовала не только в пределах оазисов южного Туркменистана, но и дальше, в песках, в пустыне Каракумы.

Как сейчас становится ясно, маршрут этой экспедиции затронул лишь краевую часть былых марганских оазисов, относящихся лишь к эпохе раннего железа. Да это и понятно, если учесть, что памятники этой и последующих эпох представлены высокими, видными издалека холмами, в то время как более древние, относящиеся к эпохе бронзы, затеряны далеко за песчаными барханами и, по преимуществу полузасыпанные песками, слабо выражены в рельефе всхолмлениями. Словом, подлинная страна Маргуш эпохи бронзы оставалась неизвестной и в качестве достойного приза еще ожидала своих первооткрывателей. Однако, несмотря на последующие маршрутные поездки археологов в древнюю Маргиану, носившие эпизодический характер, поселения эпохи бронзы открыты здесь не были.

Прошли десятилетия. В послевоенные годы в республике была организована Южно-Туркменистанская Археологическая экспедиция, которая развернула широкие археологические исследования на юге Туркменистана. Здесь на предгорной равнине, у подножия мощных скалистых гор Копет Даг высились десятки, если не сотни, бугров. Из года в год отдельные отряды этой экспедиции проводили маршрутные разведки и раскопки все новых таких бугров, результаты которых превзошли самые смелые ожидания специалистов. Оказывается, вдоль предгорий Копет Дага цепочкой тянутся большие и малые бугры, отмечая места былых древних поселений и деревушек. Все дальше вглубь веков уходила история племен, некогда обитавших на юге Туркменистана. Более того, стало ясно, что памятники, раскопанные американцами в начале века, являлись заштатными, периферийными поселениями, наряду с которыми существовали уже подлинные столичные памятники. Так, западной столицей южного Туркменистана являлась Намазга депе, располагавшаяся в районе нынешнего города Каахка. Это огромное поселение площадью в несколько десятков гектаров вмещало много тысяч жителей, обитавших здесь на протяжении многих сотен лет. К сожалению, большая часть памятника занята современным кладбищем, что лимитирует проведение раскопок, но и то, что уже раскопано здесь, с бесспорностью указывает на стационарный характер Намазга депе.

Восточная столица, Алтын депе, расположена на крайнем юго-востоке Туркмении, у селения Меана и ненамного

уступает по площади западной столице. Многолетние и пла-номерные раскопки здесь привели к открытию замечательных памятников, в том числе дворцов и храмов.

Наконец, между этими двумя столицами у железнодорожной станции Душак высятся мощные многометровые бугры поселения Улуг депе, памятника также явно столичного облика. Между этими тремя центрами располагаются многочисленные, но небольшие по площади поселения, отмечающие места небольших деревушек, не идущих ни в какое сравнение со столичными центрами.

Многолетние раскопки на памятниках предгорий Копет Дага с документальной точностью установили, что здесь находился один из немногих центров мира, где человек уже в VI тыс. до н.э. переходит от тяжелой и утомительной бродячей жизни охотников гор и пустынь к спокойной жизни оседлых земледельцев. Постепенно, в течение веков, вдоль предгорных речушек и ручьев возникают все новые поселки, обитатели которых живут в домах, построенных из сырцовых кирпичей, выращивают на прилегающих к поселениям полях ячмень и пшеницу, разводят домашний скот.

К рубежу IV-III тыс. до н.э. южная Туркмения уже представляла собой процветающую страну, тесно связанную с соседним Ираном вплоть до Месопотамии. Трудолюбие местных племен и плодородие почв позволяли получать высокие, несколько раз в году урожаи, а обеспеченная жизнь способствовала увеличению народонаселения. Не исключено, что слава о плодородных землях предгорий Копет Дага послужила стимулом к притоку сюда нового населения из соседних стран и, в первую очередь из древнего Ирана.

Как бы то ни было, но уже в IV тыс. до н.э. все удобные для земледелия участки вдоль предгорных речушек оказались занятыми, и люди отваживаются заселять все более отдаленные районы, как например бассейн древней реки Теджен. Здесь, у современной железнодорожной станции Геоксюр на былом дельтовом веере реки Теджен были открыты и раскопаны многие памятники далекого энеолитического времени. Геоксюрская группа памятников, или геоксюрский оазис, был изучен всесторонне, и до сих пор он является едва ли не эталоном наиболее полно изученного микрорегиона. Результаты этих многолетних работ оказались поучительными еще и потому, что с бесспорностью свидетельствовали об

обживании древним людьми не только предгорий, но и речных долин, некогда далеко уходивших на север от Копет Дага.

Бурный расцвет местной культуры наблюдается в эпоху бронзы на протяжении всего III тыс. до н.э. В это время территория южной Туркмении обживается максимально: от мисрианского плато на крайнем юго-западе до Келифского узбоя (вдоль Амудары). Казалось, здесь не осталось ни одного района или участка, которые не были бы обжиты древним человеком. Все соответствующие пункты были закартографированы и взяты на учет, после этого археологи приступили к составлению археологической карты древностей Туркмении — трудоемкая, но необходимая работа, которая продолжается и в настоящее время.

Казалось бы, выявлены все основные памятники Туркменистана, но маршрут разведки 1953 года к северу от развалин старого Мерва опроверг такие предположения. Как оказалось, здесь, в контактной зоне песков и таекров древней Маргианы, около давно заброшенных колодцев Тахирбай расположено поселение эпохи поздней бронзы, которое было названо Тахирбайским поселением. Стало очевидным, что здесь, в Маргиане, жизнь началась не в античное и даже не в раннелегенное время, а много раньше, в эпоху бронзы, то есть во II тыс. до н.э. И хотя еще многие годы древности Каракумов не изучались археологами, они не забывали об этом. Наконец в 1972 году Институтом Археологии АН СССР была организована специальная Маргианская археологическая экспедиция, объектом исследования которой стали юго-восточные Каракумы. Позднее к этим экспедиционным работам подключились археологи из Академии наук Туркменской ССР. В результате удалось установить, что во II тыс. до н.э., здесь, в бассейне древней дельты Мургаба, располагалась целая страна. С документальной точностью удалось доказать, что современная река Мургаб, которая сейчас протекает через город Мары, несколько тысяч лет назад имела иное направление и терялась слепыми протоками в Каракумах, непосредственно к северу от городов Мары и Байрам Али. Как оказалось, река Мургаб, как и все долинные реки Средней Азии, постоянно размывала свой левый берег, в результате чего за прошедшие века постепенно менялось и основное направление русла. Медленное, незаметное с первого взгляда

перемещение русла постепенно приводит к изменению общего ее направления, так что за прошедшие 4-5 тысяч лет река Мургаб отклонилась от своего русла западнее на 15-20 км.

Затухающая дельтовая часть реки несла вместе с собой массу плодородного ила, а забор воды на поля не требовал сложных ирригационных сооружений, что представляло собой оптимальные условия для ведения древнеземледельческого хозяйства. Весной, когда во время таяния снегов в горах начиналось половодье, вода в избытке доходила до дельтового веера реки Мургаб, широко разливаясь на поля древних земледельцев. Со временем появилась возможность регулировать подачу воды на поля, для чего строились небольшие запруды, плотины и выводные арыки. Более того, благоприятные географические условия этой части юго-восточных Каракумов исключали устройство многокилометровых каналов, наподобие тех, что строились в Месопотамии или Египте (рис. 17).

Во время раскопок в заброшенных очагах найдены угли, специальное определение которых показало, что они являются остатками водолюбивых деревьев, которые могли расти только по берегам постоянно текущих протоков. Вместе с тем в тех же древних очагах были встречены некогда сожженные кусты саксаула, типично пустынных растений, что с документальной точностью указывало на расположенную неподалеку от оазисов пустыню. Одним словом, страна Маргуш во II тыс. до н.э. вырисовывалась как процветающая, богатая страна, обильная водой, с богатой тугайной растительностью по берегам дельтовых протоков многоводной реки. В густых тугаях во множестве водились дикие животные и пернатые, костные остатки которых также были встречены при раскопках археологами, ярко свидетельствуя о богатых трофеях тогдашних охотников. Плодородные почвы, расположенные между дельтовым веером, создавали оптимальные условия для занятий земледелием, и, хотя до нас дошли лишь обугленные зернышки, можно с уверенностью предполагать, что закрома местных общинников ломились от обильных урожаев пшеницы и ячменя. Заливные луга с богатой растительностью служили надежной кормовой базой для ведения домашнего скотоводства. Сотни и тысячи голов крупного и мелкого рогатого скота паслись на луговых пастбищах, разнообразя ежедневное меню местных жителей. Словом, чрезвычайно благоприятные экологические условия были по до-

стоинству оценены людьми, заложившими здесь основы земледельческого хозяйства.

Так что же представляла собой эта страна?

Многолетние археологические исследования доказали, что во II тыс. до н.э. на этой обширной по тем масштабам территории располагались десятки и сотни больших и малых поселений. Как правило, это были обычные сельские поселения, неукрепленные, со множеством домов, располагавшихся вдоль длинных улочек. Если не все, то большинство зданий было выстроено из сырцовых, высущенных на солнце кирпичей. Стены помещений изнутри обмазывались штукатуркой из смеси глины с саманом, полы были глинобитные с тонкими, глиняными же промазками. Наряду с такими неукрепленными поселками появляются уже настоящие крепости — прямоугольные, с мощными оборонительными стенами и угловыми башнями они служили местом обитания выделившейся знати. Во время опасности здесь могло укрыться большое количество людей. Но в массе своей поселения не имели обводных стен, что в косвенной форме может указывать на отсутствие внешней агрессии. В целом же все поселения Маргианы до деталей копируют бактрийские, в чем конечно же отразились общие принципы архитектуры и строительного дела.

Среди всех без исключения поселений Маргианы резко выделяется Гонур, общей площадью свыше 20 гектар, видимо, действительно являвшийся столицей в системе всей страны (рис. 18). Памятник состоит из огромного, неукрепленного поселения, в центре которого располагается прямоугольной формы кремль. Стены кремля с завидной точностью ориентированы по странам света. Почти квадратной формы, с общими размерами 125 на 120 м, кремль сохранил высокие (до 3 м) внешние стены метровой толщины. По всем четырем углам кремля располагались башни, но не круглые, как в обычных крепостях, а прямоугольные. Внутренняя сторона внешней стены членилась на равные отрезки. Раскопки кремля лишь только начались и далеки от завершения. Но уже сейчас можно утверждать, что это остатки бесспорно монументальной архитектуры. Внутри кремля располагались обширные залы и внутренние дворики, соединявшиеся между собой переходами и широкими коридорами, а вместе они образовывали анфиладу помещений культового и светского

назначения. Если предположение о столичном назначении Гонура справедливо, то можно допустить, что раскопанный кремль являлся резиденцией правителя страны Маргуш, где могла находиться администрация, управляющая всей страной. Осталось добавить, что кремль располагался на вершине естественного холма, доминируя над всем поселением, причем у подножия его находилась огромная площадь — возможное место общественных собраний, своего рода форум древних маргушцев.

Рядом с Гонур депе, на южном от него холме, была раскопана крепость. Анализ показал, что она была возведена по единому плану: площадь крепости около 130 на 125 м. Обводные внешние стены неширокие (от 3 до 4,5 м), усилены круглыми угловыми башнями. В середине северного фасада —entralный вход в крепость, оформленный с обеих сторон выступающими пилонами. Вдоль северной обводной стены располагаются чрезвычайно узкие, длинные камеры, перекрытые сверху на уровне одного метра от пола (там, где это удалось установить) сводчатыми перекрытиями. Подобные камеры встречены в храме Тоголок-21, а также в бактрийском храме Джаркутан, однако их точное назначение остается не совсем ясным (рис. 19).

К этому же первому, основному, периоду относятся частично раскопанные помещения в юго-западном углу крепости. Центральную часть этого комплекса составляет своеобразный двор с обводными коридорами. Среди примыкающих к этому двору помещений выделяется одно, явно складское, в котором стояли в неподтревоженном виде огромные сосуды типа пифосов, верхние части которых оказались запечатанными глиняными буллами. На буллах сохранились одинаковые оттиски: амулет с изображением на одной стороне змеиного крылатого дракона, а на другой — птицы с распущенными крыльями и повернутой назад головой. Подобные каменные и медные амулеты с точно такими же изображениями известны не только в Маргиане, но и в Бактрии.

Выделяется еще одно помещение, расположенное рядом с центральным двором, этого раннего периода. Его западная стенка оказалась покрыта белой гипсовой обмазкой, но не сплошь, а в виде трех треугольников, сужающихся книзу и заканчивающихся, соответственно, тремя мисками, вкопанными в пол и также обмазанными изнутри гипсом в не-

сколько слоев. Гипсовое заполнение сосудов было проанализировано профессором Московского Государственного Университета Н.Р.Майер-Меликян. В сосудах, под гипсовыми обмазками обнаружены были семена конопли, веточки эфедры и пыльца мака, что дает право сопоставить это помещение с "белой комнатой" из храма Тоголок-21, в которой произошло приготовление культового галлюциногенного напитка типа сомы-хасмы (рис. 20).

Думается, что вся эта монументальная архитектура является лишь частью более обширного здания, связанного в первую очередь с культовыми возлияниями, до определенной степени напоминая храм Тоголок-21. На их взаимную функциональную близость указывают и три сильно обожженные изнутри камеры, близко напоминающие алтари огня Тоголок-21.

Во второй период, на уже накопившихся к тому времени мусорных слоях, почти в центре крепости было сооружено здание крестообразной конфигурации с круглыми угловыми башнями, полыми внутри. От середины каждой из четырех сторон отходят выступы прямоугольной формы с узкими проходами, ведущими в круглые же башни. Хотя раскопки этого здания еще далеки от завершения, по внешнему контуру оно достаточно близко к бесспорному храму огня тепе Нуши Джан, но почти на тысячу лет древнее его. Даже если назначение этого здания на Гонур деге окажется иным, сходство в архитектурном плане с мидийским храмом Нуши Джан весьма показательно и скорее всего свидетельствует об их общем происхождении из одной древней архитектурной школы.

Обратимся к древним поселениям.

На окраинах древних поселений были открыты кварталы керамистов: следы их пребывания, дошедшие до нас — гончарные горны. Горны представляли собой прямоугольные в плане, двухъярусные печи, состоявшие из нижней топки и верхней камеры обжига. Обе эти части, расположенные друг над другом, разделял под с множеством мелких сквозных отверстий, через которые горячий жар из топки попадал в камеру обжига с подготовленными для обжига полуфабрикатами. Самые древние печи имели в нижнем ярусе опорный столб, поддерживающий камеры обжига, но постепенно местные гончары вырабатывали более прогрессивную конструкцию печей. Со временем они научились возводить ложносвод-

чатые перекрытия, не требовавшие опорного столба, для этого на боковые стенки наклонно друг к другу ставили кирпичи, между которыми закреплялся замковый кирпич. Вся эта конструкция обмазывалась толстым слоем глины и вместе с жаропроходными отверстиями служила подом обжигательной камеры. Отсутствие опорного столба внутри топки резко увеличивало ее полезную площадь, что позволяло максимально загружать ее дровами, и это в конечном счете резко увеличивало эффективность работы горнов подобной конструкции. Этот тип керамических печей оказался настолько производительным, что почти не изменился через прошедшие тысячи лет и дожил до настоящего времени.

Местные гончары в совершенстве владели секретами своего ремесла. Специально приготовленная, тонкоотмученная и очищенная от ненужных примесей глина служила благодатным материалом для изготовления разнообразных по форме и назначению сосудов. Здесь были чайники с длинными носиками, кубки и вазы на высоких, стройных ножках, соусники, миски, чашки. Они отличались исключительным изяществом форм и пропорций, были сделаны на гончарном кругу, позволявшем мастерам — виртуозам изготавливать подлинные шедевры керамического искусства.

То, насколько хорошо гончары знали технологические свойства податливой мягкой глины, основного материала их продукции, показывает следующее наблюдение. Вся посуда, предназначенная для приема пищи, помимо изящества форм и изумительной тонкости стенок, отличалась еще хорошим качеством глины без каких-либо примесей. И, наоборот, изготавливая посуду более грубую, такую как котлы, сковородки — посуду, которой предстояло стоять на огне, мастера-гончары добавляли в глину специальные примеси, повышавшие жароустойчивые качества кухонной посуды. Владея в совершенстве техникой гончарного производства, мастера все свое внимание направляли на отделку форм, почти ничем не украшая свои изделия. Исключением являются редкие сосуды с нацарапанными рисунками, но всегда одного сюжета: козел, стоящий у дерева. Иногда это два козла, стоящие по бокам дерева, а все вместе они чрезвычайно близко напоминают ирано-месопотамские мотивы, где такие же козлы стоят, как полагают, у "древа жизни". Еще более редки сосуды, носики которых изготовлены в виде рогатых голов живо-

тных, чаще всего быка,- декоративный прием, представленный в древней керамике соседнего Ирана.

Хотя вся посуда местных гончаров была светлых тонов: от розового до светло-зеленого — существовали единичные сосуды черного цвета с заполированной поверхностью, что было более широко распространено в северном Иране. Возможно, сосуды черного цвета являлись импортом. Из многих поселений происходят обломки ритуальных сосудов со скulptурными фигурками птиц, людей, животных, рептилий и земноводных, причем один такой целый сосуд был найден на поселении Тоголок-1.

Камнерезное искусство достигает в Маргиане высокого уровня и документируется большим количеством изделий, выточенных из мягкого стеатита. Здесь помимо амулетов так называемого мургабского стиля имеются биконические навершия, бусы с кружковым орнаментом, миниатюрные сосудики с зубчатым орнаментом, ритуальные сосуды, выточенные в виде почки и так далее. Мраморовидные камни светлых тонов использовались для изготовления каменных сосудов, и в том числе небольших вазочек с мелким резервуаром на непропорционально длинной ножке, наподобие бактрийских. Судя по одному резному стеатитовому обломку, существовали здесь и так называемые составные статуэтки бактрийского типа.

Хотя медно-бронзовые изделия уже широко вошли в повседневный быт маргушцев, все еще использовались кремневые, тщательно отшлифованные наконечники стрел лавровистной или под треугольной формы.

Характерной особенностью южной Туркмении, начиная с глубокой древности, являлось существование у местных племен богатой антропоморфной пластики. Известны великолепные образцы таких древних божков и здесь, хотя почему-то распространены они были крайне неравномерно. Подобно южно-туркменистанским племенам во многих (но далеко не во всех!) оазисах Маргианы встречены небольшие, до 10-15 см высоты, плоские терракотовые статуэтки, по преимуществу женские. Женщины изображены в сидячем положении, головы их с преувеличенно большими глазами и огромными носами увенчаны либо сложными головными уборами, либо настоящими коронами. Как правило, все они имеют широко расставленные в стороны руки, на плечах некото-

рых из них нацарапаны какие-то загадочные знаки. Наряду с женскими, но в меньшем количестве, имелись мужские терракотовые фигурки с ярко выраженным признаками пола, они, скорее всего, являлись божками местного пантеона.

На этом фоне несколько озадачивает то, что в некоторых оазисах Маргианы, несмотря на многолетние поиски, не встречено было ни одной антропоморфной статуэтки. Такие оазисы как бы повторяют ситуацию, наблюдавшуюся в Бактрии, где практически не были известны антропоморфные статуэтки, но зато широко были распространены культовые сосуды. За этим документально установленным фактом скрываются специфические особенности культовых воззрений жителей Маргианы и Бактрии. Если вспомнить, что в Маргиане антропоморфные статуэтки с точностью копируют южно-туркменистанские предшествующего времени, то станут очевидными не только преемственность культовых воззрений, но и их генетическое родство. В таком случае можно допустить, что микроазисы Маргианы, обитатели которых использовали антропоморфных божков, скорее всего, были основаны выходцами из предгорий Копет Дага. Наоборот, жители микроазисов, которые подобно Бактрии, не использовали в своих культовых представлениях антропоморфную пластику, скорее всего, пришли с иранской стороны. Не исключено, что первоначально эти два обряда существовали параллельно друг с другом, причем широкая веротерпимость постепенно могла привести к смешению двух родственных по существу, но разных по культовой обрядности верований. Свидетельством этого являются микроазисы Маргианы, на которых археологам посчастливилось найти как антропоморфные фигурки южно-туркменистанского типа, так и ритуальные сосуды бактрийского типа. И здесь к месту будет отметить, что, пожалуй, лишь зороастрийская религия, особенно на раннем, начальном, этапе, не признавала антропоморфных божеств, так как зороастрийцам было чуждо идолопоклонство. Недаром в "Авесте" даже Ахура Мазда выступает как божество бестелесное и лишь много позднее в религии ахеменидского Ирана он стал изображаться в виде верховного бога ассирийцев.

Металлические медно-бронзовые изделия страны Маргуш пока известны в ограниченном количестве и представлены длинными обоюдоострыми ножами и кинжалами и, пред-

положительно, наконечниками копий и церемониальными топорами. Украшения также отливали из ярко-желтой меди в форме длинных булавок с фигурными навершиями в виде голов животных, бутона и скатого кулака, прямые соответствия которым имеются в Бактрии. Миниатюрные косметические флаконы, круглые зеркала с ручками, браслеты, серьги дополняют набор туалетных украшений модников и модниц страны Маргуш. Достаточно широко были распространены в местной среде и медные ажурные печати, обычно с геометрическим, реже зооморфным изображением, среди последних выделяется круглая печать в виде вихревой розетки, составленной из птичьих головок, близко напоминающих печать, происходящую с другого конца тогдашнего мира Дильмуна, страны, располагавшейся около Персидского залива. Столь же показательны массивные медные печати с изображением свастики, напоминающие близкие рисунки древней Индии. Наконец, из ряда поселений происходят фигурные печати с изображением то зайца, то козла, то хищника кошачьей породы, а в отдельных случаях — и людей.

Особую коллекцию составляют каменные амулеты так называемого мургабского стиля, подробный обзор которых будет дан ниже вместе с бактрийской глиптикой. Наконец, подобно Бактрии и здесь, в Маргиане, существовали печати-цилиндры месопотамского типа с гравированными на них сюжетными композициями. На поселении Таип археологам посчастливилось обнаружить два, казалось бы невзрачных, обломка обочинных сосудов, поверхность которых оказалась украшенной оттисками-прокатками таких цилиндрических печатей, сделанных еще по сырой глине. Обожженные в горне, они сохранили нам оттиски от еще не найденных цилиндр-печатей.

В полном согласии с погребальными обрядами Бактрии, и здесь умерших хоронили на специальных, расположенных рядом с родными поселками кладбищах, реже — в руинах уже заброшенных к тому времени поселений. Как правило, умерших хоронили в скорченном положении, на боку, преимущественно головой на север. Детей нередко хоронили в сосудах или простой ямке, но бережно прикрытой сверху большим обломком от былого сосуда. Наряду с такими существовали фракционные, или частичные захоронения, которые к моменту раскопок представляли собой кучу разроз-

ненных, но аккуратно сложенных костей. Третий тип погребений составляют так называемые кенотафы — могилы умерших далеко от родных поселков, так что в них мы не находим скелетов, а лишь погребальные приношения.

Раскопки могильников выявили разные погребальные конструкции, среди которых выделяются прямоугольные гробницы, возведенные из сырцового кирпича. Первоначально гробницы были пустотельными и лишь позднее оказались засыпанными в результате обрушивания сводов. Погребальные приношения включают большое количество целых сосудов, в меньшей степени — оружие и украшения в виде бус, браслетов, зеркал, серег, косметических флаконов, булавок, каменных амулетов.

Как и в Бактрии, здесь практиковались захоронения молодых баранов, которые лежат в гробнице на боку, головой на север, в окружении погребальных сосудов. Захоронение подобно захоронению людей, но тело человека заменено бараном. Это говорит о том, что данное животное имело особое значение в жизни местных племен.

В результате многолетних археологических исследований страна Маргуш эпохи поздней бронзы выступает как процветающая, многолюдная область с высокоразвитой земледельческой культурой древневосточного типа. Учитывая высокий уровень профессионализма гончаров и древних металлургов, требовавший специальных знаний, можно предполагать, что ремесло уже выделилось в особую отрасль древнего хозяйства. Иными словами, появилась прослойка людей, которые большую часть своего времени занимались не сельским хозяйством, а ремеслом, профессиональные навыки которого оставались неизвестными непосвященной массе рядовых общинников. Общество Маргианы уже далеко продвинулось вперед в своем социальном развитии, но пока нет прямых данных, указывающих на существование здесь по-длинно классового государства.

Итак, Маргиана вместе с Бактрией представляли собой отдельные автономные регионы, каждый из которых, в свою очередь, состоял из нескольких структурно-объединенных между собой микроазисов. В этом отношении в высшей степени показательны строки "Авесты", где говорится о четырехступенчатой системе организации: "дома-семьи" в совокупности составляли "родовые поселения", а те, в свою оче-

редь — "племена" и, наконец, "область, страну". В целом такая организационная система приложима ко многим древним обществам, однако в пределах Средней Азии лишь Бактрия и Маргиана демонстрируют существование родовых поселений, объединенных не столько кровным родством, сколько взаимно соседскими экономическими связями. Иными словами, каждый отдельный ирригационный оазис Маргианы представлял собой территориально-соседскую общину, а вместе они образовывали федерацию племен или, иначе, "страну", как она упоминается в "Авесте". В Маргиане не было подлинных городов с высокими цитаделями. То же самое относится и к Бактрии, эти две исторические области более всего из всех известных соответствуют тому общественному устройству, которое окружало в реальной жизни безызвестных составителей священной книги зороастрийцев.

В той же "Авесте" неоднократно упоминаются скотоводческие племена, которые вели непримиримую и постоянную борьбу с оседло-земледельческим населением оазисов, что опять-таки хорошо согласуется с археологическими данными Бактрии, и в особенности Маргианы. Стоянки скотоводческих племен, обнаруженные рядом поселения оседлых земледельцев говорят об их тесных взаимных контактах.

В этом плане исключительного внимания заслуживает упоминание греческим историком Геродотом скифских племен, которые назывались амюргийскими. Академик В.В.Струве провел огромную аналитическую работу по сопоставлению между собой древних терминов и современных названий. В результате он пришел к выводу, что название "скифы амюргийские" восходит к древнеперсидскому — "скифы- амурга", а последнее, скорее всего — к имени реки Мургаб, или в древнем варианте Мюргаб, что, в свою очередь, переводится как "мюрг" — "вода". На основании проделанной работы ученый пришел к выводу: "С именем реки Мюрг, надо думать, и связано древнее имя оазиса Мары — Маргуш, Маргиана".

Приведенные данные, интересные сами по себе, приобретают еще большую ценность в свете того, что скифы амюргийские в древнеперсидских надписях также упоминаются как скифы хаомоварга или, иначе, как скифы, хаому изготавливающие. По заключению лингвистов имеется фонетическое сходство или, иначе, сходство в звуках между именами

Хаомоварга и Амюргиями. Очевидно, что еще во времена древнеперсидского царя Дария уже было известно, что восточные скифы знали, приготавливали и употребляли галлюцинопогенный напиток под названием хаома. Не исключено предположение, что у скифов, традиционных скотоводов, были распространены такие напитки, изготавливаемые, по-видимому, на основе брожения кисломолочных продуктов. Тесное соседство этих скифов с населением оседло-земледельческой Маргианы и, видимо, Бактрии по необходимости приводило к обмену сведениями, и таким образом рецепт приготовления этого напитка мог от скифов перейти к земледельцам. Не этим ли объясняется способ приготовления напитка хаомы из растений и молочных продуктов, как это свидетельствуют "Авеста" и "Ригведа", отражая в конечном счете две традиции в изготовлении хаомы и сомы?

Но и в таком случае следует иметь в виду, что все наши письменные данные о Маргиане и скифах мы черпаем из клинописных надписей древнеперсидских писцов. Последние жили и творили преимущественно в Персеполе — столице ахеменидской державы, расположенной на крайнем западе Ирана, за многие тысячи километров от тех стран, которые упоминали писцы в своих трудах. С точки зрения этих писцов описываемые ими события протекали где-то там, за пределами цивилизованного мира. Сведения, ими получаемые, окрашивались полулегендарной дымкой фантазии их информаторов. Все это заставляет с большой осторожностью относиться к имеющимся письменным данным, но за неимением других они пока являются для нас единственными и бесценными свидетельствами. Сопоставление письменных свидетельств с данными археологии, их взаимная корреляция и взаимный контроль обещают в будущем новые открытия на пути изучения зороастрийской религии.

Все предшествующее изложение свидетельствует о развитой культуре Бактрии и Маргианы, но сведения о ней будут неполны без знакомства с памятниками уникальной монументальной архитектуры. Они позволяют говорить о существовании особой бактрийско-маргианской школы зодчества.

В пункте Даши-З открыт так называемый круглый храм — монументальное сооружение с очень сложной планировкой (рис. 21). В центральной части всего комплекса располагается круглое в плане здание диаметром 40 м. Обводная галерея с девятью башенками выделяет круглое здание в самостоятельный комплекс, полностью изолированный от прилегающих далее по периферии помещений. Поперечные перегородки внутри галереи образуют серию глухих отсеков, но всегда сообщающихся через проходы с башенками. Обводная галерея выполняла роль той промежуточной зоны, которая изолировала круглое здание, подчеркивая его особое культовое назначение.

Внутри круглого здания вдоль обводного коридора сохранилась не совсем ясная по назначению застройка в виде небольших глухих помещений — своеобразных камер. Остальные помещения центральной части не оставляют сомнений относительно их особого назначения.

Два из них, расположенные перпендикулярно друг к другу, имеют принципиально сходную планировку: в торцовой части — возвышение-суфа, ограниченная от остальной комнаты двумя фигурными пристенными пилястрами. Стены этих помещений сохранили глухие ниши, близко напоминающие "слепые окна" храма огня Нуши Джан в Иране, где они были устроены в наосе (главном помещении храма), причем здесь же находился ступенчатый алтарь огня. Не исключено, что такими алтарями являлись сложной конфигурации очаги, устроенные наверху ступенчатой платформы. В другом помещении в стенах — фигурные ниши, часть которых сохранила золу. Интерьеры всех помещений центрального комплекса имели обмазку из тонкоотмученной глины характер-

ного желтоватого цвета, нанесенной в несколько слоев. На полу находилась "миниатюрная колонка" и стеатитовый судик в форме почки (рис. 22).

Под верхними полами центральных помещений археологи обнаружили более древние, в которых были устроены небольшие ямки-лунки, сплошь заполненные сожженными костями животных и древесными угольками. Показательно, что стены ямок-лунок не сохранили никаких следов воздействия огня, доказывая тем самым, что кости были сожжены "на стороне" и лишь затем насыпаны в лунки. Обнаружение в этих же помещениях очагов-алтарей наталкивает на мысль о их культовом назначении. Не исключено, что ритуальные животные (как правило, мелкий рогатый скот: козы, бараны), приведенные на закалывание, закалывались жрецами и затем зажаривались на очагах-алтарях. После ритуальных трапез кости аккуратно собирались храмовыми служителями и по завершении культовых церемоний засыпались в специально вырытые лунки. Следует отметить, что зороастризм не отвергал культовых жертвоприношений животных. Зороастр выступал лишь против хищнического истребления скота в чрезмерно больших размерах. В этом плане показательно, что в указанных небольших ямках-лунках имелись, в основном, только кости мелких рогатых животных.

Круглое здание с башенками составляет лишь центральное ядро, вокруг которого широким поясом и опять-таки по кругу располагается серия помещений бесспорно бытового назначения: вкопанные в полы крупные сосуды для хранения зерна и воды, пристенные кухонные очаги, хозяйственные отсеки. Выделяется, возможно, несколько обособленных жилых микрокомплексов, каждый из которых сохранил помещения различного назначения, группирующихся вокруг вытянутого внутреннего двора. В одной комнате такого комплекса имеется кухонный очаг, в другой — вкопанные в пол сосуды. Показательно, что это были не глухо изолированные и полностью отграниченные друг от друга жилые комплексы. Напротив, широкие проходы ведут в смежные комплексы. Все вскрытые комнаты обнаруживают следы многочисленных и неоднократных перестроек, а внутреннее заполнение их состоит из обычных мусорно-зольных остатков, столь характерных для бытовых поселений.

По внешнему фасаду сооружения идет широкая, а главное прямая, стена, у основания которой проходил ров с водой. Можно предполагать, что весь этот архитектурный комплекс был заключен в мощный кирпичный обвод стен, дающий в плане гигантский квадрат с примерными размерами 130-150 м в стороне, у основания которого проходил глубокий ров, наполненный водой. Центральное круглое здание играло сакральную роль: здесь проходили культовые церемонии и располагались помещения особого назначения, где совершались ритуальные обряды. Иное впечатление производит планировка участка, располагавшегося далее по периферии вокруг центральной части, где проживали обитатели, связанные с самим храмом. Это могли быть жрецы, храмовые служки. Размеры жилой части, по сравнению с храмом, огромны, и можно предположить, что населена она была, в основном, рядовыми общинниками, напоминая до определенной степени храмовое хозяйство передовых центров Древнего Востока.

Сходное назначение предполагается для месопотамских храмов, где между двух колец овальных в плане стен, предположительно, находились дома священников; в других случаях святилища и дома служителей культов объединены между собой и обнесены вокруг широкой стеной. Хотя трудно судить о характере самих обрядов, думается, что ритуальные трапезы, по-видимому, играли в них не последнюю роль. Отметим, что в передовых центрах древневосточного мира рядом с храмами, где совершали жертвоприношение богам, нередко устраивались обширные кухни, являвшиеся важной частью храмового комплекса. В месопотамских храмах сохранились тексты, упоминающие "вечерние и утренние трапезы". Думается, что до определенной степени сходные обряды, тесно связанные с жертвенными трапезами, проходившими в ярких отблесках пылающих алтарей, были распространены в Бактрии в эпоху бронзы.

Судя по той роли, которую играл огонь, а также по тому, что здание имело форму круга, священного для многих народов мира, это мог быть храм огня. Применительно же к рассматриваемому региону, связь круга (солярный культ) и алтаря (огненная космология) может быть сопоставлена с индоиранскими представлениями, нашедшими отражение в "Ригведе" и "Авесте". Более того, сочетание в планировках

культовых сооружений квадрата (символ четырех сторон света) и круга (символ солнца) может рассматриваться как священная ритуальная диаграмма, представляющая вселенную и бытие. В целом же храм на Даши-3 выступает как бесспорно общественное культовое сооружение, предназначенное для всех обитателей дашлинского оазиса. Стремление отгородиться от внешнего мира — наиболее характерная черта его общего планировочного принципа. Налицо та же стадия развития культовых зданий, когда храм мыслится как сакральное, единственное место, обитель божества. Применительно к Даши-3 этому назначению более всего соответствует центральная часть круглого здания.

Уже первые известия о раскопках круглого храма вызвали большую дискуссию о его конкретном назначении. С самого начала исследователи обратили внимание на один отрывок "Авесты", где говорится о строительстве культового сооружения, круглого в плане, окруженного тремя кольцами стен с тремя, шестью и девятью проходами в них. В центральной части находилось "семя мелкого и крупного скота, людей, собак, птиц и красных горящих огней", во втором кольце — жилье людей, в третьем — скот. Иначе говоря, важность пространства повышается к центру здания, где встречаются божества со смертными: "Собрание устроил создатель Ахура Мазда там с бесплотными существами". Налицо как бы словесное описание общей планировки храма Даши-3. Думается, что монументальные здания типа этого храма могли служить прообразом сооружений, описанных в "Авесте". И, может быть, не случайно первое кольцо стен круглого храма Даши имеет три прохода, и, хотя мы не знаем, сколько их было в других частях комплекса, — судя по их много большим размерам, там имелось более, чем три прохода.

Второе монументальное сооружение было выявлено в том же пункте Даши-3 рядом с круглым храмом. Здесь в первый период по единому архитектурному плану было возведено монументальное здание с общим размером 88 на 84 м и центральным внутренним двором размером 40 на 48 м. Во второй (промежуточный) период дворец перестает существовать, а в восточной части двора складывается небольшое периферийное поселение. Рассматриваемое монументальное сооружение возведено из сырцового кирпича, стены с обеих сторон покрыты глиняной штукатуркой желтоватого цвета.

Отличительной чертой всей архитектуры является чрезвычайно большое количество пилasters (в ряде случаев ступенчатых), особенно по внешнему фасаду, часть которых имела конструктивное значение, выступая как контрфорсы, другая играла чисто декоративную роль в общем оформлении всего здания. В ряде случаев, особенно в коридорах, сохранились перекрытия, с бесспорностью свидетельствуя о знакомстве бактрийских строителей с техникой возведения ложных сводов. Общая планировка всех четырех фасадов построена на принципе симметрии и взаимного абсолютного сходства, некоторым отклонением от этой нормы предстает южный угол, где имеется предвратное сооружение, состоящее из трех вытянутых помещений. Среднее из них сохранило внешний проход, оформленный с обеих сторон пиластрами, в полу имеется узкая длинная канава, видимо водосток (рис. 23).

Особый интерес представляют завершения внешних углов всего здания, образованные за счет широких поперечных соединительных стен. По-видимому, помимо центрального входа имелись узкие проходы по углам всего здания, которые в случае необходимости наглухо закладывались кирпичами. Как видно, в первоначальном виде план комплекса был симметричен: все четыре фасада повторяли друг друга. Вдоль подошвы внешних стен проходил ров, достигающий местами 10-метровой ширины при глубине в 3 м, как бы ограждая все здание от внешнего мира.

Почти квадратный двор окружен со всех четырех сторон обводными коридорами с встроенными поперечными стenochkami, образующими глухие отсеки. По середине каждого обвода имелось по одному проходу, ведущему в Т-образные коридоры. В свою очередь, из всех четырех углов обводного коридора имелись проходы, соответственно соединявшие его с Г-образными коридорами. В течение длительного периода существования комплекса некоторые из проходов закладывались и место них пробивались новые.

Енотри двора, преимущественно вдоль стен, располагаются три строительных микрокомплекса, имевшие особое назначение. Так, южный микрокомплекс состоит из двух достаточно однотипных сооружений, но построенных последовательно. Наиболее ранний из них включает три помещения, среди которых одно играло роль своеобразного вестибюля. В него можно было попасть из обводного коридора и уже

из него — в соседние помещения, из которых, в свою очередь, вход ведет во внутренний двор. Первоначально обе эти смежные комнаты сообщались между собой двумя проходами, позднее оказавшимися заложенными. Выделяется центральное помещение с глубокими нишами или, иначе, слепыми окнами, пристенной сухой-возвышением. В его западной стене имелся проход, оказавшийся заложенным при возведении следующего сооружения, в свою очередь также включавшего три помещения. Здесь также имеется свой вестибюль, причем два прохода из него ведут в смежные помещения, из которых одно является центральным. Интерьер последнего украшен фигурными нишами, идущими от самого пола и покрытыми тонкоотмученной штукатуркой в несколько слоев, то есть все теми же слепыми окнами. Ниши пропорциональны, что свидетельствует о существовании у местных архитекторов особыго модуля. У западной стены на полу устроен очаг-выкладка, но без следов обожжения. У северной — пристенная суха-возвышение. Подобно рядом расположенному круглому храму, и здесь под верхним полом находился более древний — с углубленными в материк ямками-лунками, заполненными обожженными костями мелкого рогатого скота и угольками. Сами лунки не несут следов воздействия огня, близко напоминая аналогичную картину, отмеченную для ритуальных помещений круглого храма. Все помещения имеют полы, выстланые регулярной кладкой кирпича, причем в главном помещении находилась каменная миниатюрная колонка того же типа, что и в круглом храме.

Оценивая в целом всю вскрытую планировку, следует отметить ее необычность — чрезвычайно узкие коридоры, в которых не всегда мог прятнуться даже один человек. Создается впечатление, что они имели ложный характер, не несли никакой функциональной нагрузки, являясь следствием того запланированного архитектурно-ритуального канона, который должен был неукоснительно соблюдаться в зданиях подобного назначения. Организующим ядром комплекса являлся внутренний двор, который через обводные коридоры сообщался со всеми четырьмя фасадами всего комплекса. Два другие микрокомплекса — у западной и, особенно, южной стен двора, скорее всего, имели культово-церемониальное назначение своего рода святилищ, на что указывают их однотипная планировка, а также интерьеры, украшенные

нишами, в ряде случаев фигурными, и суфы-возвышения, всегда устроенные вдоль северных стен. Думается, что это было здание культового назначения, предположительно храм, где могла находиться местная администрация, возможно, совершая и культовые обряды. И однако это не опровергает вероятности того, что храм мог быть посвящен и другим культурам.

Рассматриваемые монументальные здания характеризует строгий линейный ритм ниш и пилястр, создававший игру светотени и разбивавший однообразие плоскостей; плоские перекрытия сочетались со сводчатыми. Все это придавало зданию особую торжественность, которой были лишены обычные частичные дома. Оба эти здания не случайно располагались рядом, так как выполняли особые функции в общественной и культовой жизни местного населения. Как видно, уже в эпоху бронзы в Бактрии существуют два различных по архитектурному решению планировочных принципа: в основе одного лежит круг, в основе другого — квадрат. Такое сочетание не является случайным, свидетельством чего служат монументальные сооружения Бактрии последующего ахеменидского времени типа Алтын-10, Ат-Чапар, Кутлуг тепе. Открытие этих зданий культового назначения имеет принципиальное значение для предположения о существовании особой бактрийской школы монументального зодчества.

В этом плане особый интерес представляет монументальное круглое здание Кутлуг тепе с центральным помещением и алтарем у стены, явно продолжающее архитектурные традиции, которые были заложены в планировке круглого храма Даши-3 (рис. 24).

Если оба храма в пункте Даши-3 располагаются в южной Бактрии, то теперь обнаружено одно такое монументальное сооружение в северной Бактрии, в Джаркутане (Узбекистан). Это прямоугольное здание с размерами 60 на 45 м обнесено по краю чрезвычайно широкими обводными стенами с единственной башней в восточной стене. Здание делится на парадную и подсобно-хозяйственную части. Парадная, явно культовая, часть много больших размеров, чем подсобная, и соединена с ней при помощи очень длинного коридора, расположенного в южной части всего комплекса (рис. 25).

Доминирующее положение в системе комплекса занимает высокая кирпичная платформа, которая к моменту рас-

копок сохранилась до полутора метров высоты, причем считается, что первоначально ее высота достигала 2,5 м. Предполагается, что на верху платформы под перекрытием, стоявшим на колоннах, находился главный алтарь, "...разрушенный до основания к моменту раскопа". Платформа с предполагаемым главным алтарем с трех сторон обведена стеной, а с четвертой, открытой, выходила к специальному помещению, где, как считается, могла храниться священная зола. В северной части парадной половины располагаются в ряд узкие камеры, с юга к которым пристроена небольшая платформа с алтарем на верху. В прилегающем дворе выявлена дорожка, выстланная галькой и идущая от платформы с алтарем к чрезвычайно длинному коридору, соединяющему парадную и подсобную части между собой.

Подсобно-хозяйственная часть состоит из ряда помещений, среди которых выделяется обширный двор, частично застроенный во второй период, а также предполагаемая винодельня со специальными желобами в полу, обмазанными толстым слоем гипса, и небольшими резервуарами. Ниже будут приведены данные маргианских храмов, где близкие по типу помещения были связаны с приготовлением вина, а одурманивающего напитка хаомы, что документируется анализами органических остатков. На особое назначение винодельни указывает также и тщательная отделка интерьера, сохранившего местами следы побелки и голубой краски.

В другом помещении были устроены вытянутые в ряд, цепочкой, восемь углубленных камер, сильно обожженных изнутри и определяемых как медеплавильные очаги. Независимо от окончательного суждения о их назначении, показательна их определенная близость к "огненным камерам" на площадке с платформами маргианского храма Тоголок-21, где на дневной поверхности рядом с ними также были встречены медные корольки, о чем подробнее будет сказано ниже.

Храм Джаркутан вполне обоснованно определяется как храм огня, что, однако, не исключает и других культов, имевших, возможно, подчиненное, второстепенное значение.

Как бы то ни было, впервые мы имеем для одной исторической области — Бактрии — сразу три монументальных здания, явно храмового назначения, и все — принципиально отличной друг от друга планировки. Вспомним, в пункте Даши-3 круглый храм основан на сочетании круга и квад-

рата, второе здание, включающее центральный, внутренний двор, окружено Т-образными коридорами вдоль всех четырех фасов. Наконец, Джаркутан опять демонстрирует принципиально отличную планировку, состоящую из двух различных по функциональному назначению частей, когда в силуэте здания доминирует центральная платформа с предполагаемым чартаком наверху. А между тем назначение по крайней мере двух храмов Бактрии — круглого храма и Джаркутана — в качестве храмов огня представляется наиболее вероятным.

Заканчивая обзор монументальной архитектуры Бактрии, следует остановиться на здании особого, скорее всего также культового назначения, раскопанном на Тилля тепе, около города Шибергана, но относящемся к иному культурно-историческому кругу, чем вышеописанный (рис. 26). В результате раскопок удалось установить, что в древности на рубеже II-I тыс. до н.э. на этом месте, на естественном двухметровом холме, по хорошо продуманному плану была возведена сплошная кирпичная прямоугольной конфигурации платформа шестиметровой высоты. Таким образом, вместе с холмом, на котором она была возведена, платформа возвышалась над окружающей поверхностью на высоту около восьми метров. По внешнему краю платформа была обнесена мощной кирпичной стеной, усиленной угловыми башнями округлых очертаний; дополнительные башни были устроены вдоль всего периметра стен. В середине северного фасада стены имелся центральный вход, к которому, по всей видимости, подходил пандус. Наверху платформы было построено монументальное сооружение, пережившее несколько перестроек. В самый первый период здесь располагался огромный квадратный зал общими размерами 15 на 15 м, с четырех сторон которого шел обводной коридор, соединявшийся с центральным залом общим проходом. В свою очередь, сам обводной коридор через специальные проходы соединялся с башнями внешней оборонительной стены. Возможно, в центральном зале находились какие-то культовые сооружения, однако к моменту раскопок они не сохранились, так как уже вскоре общая планировка здания претерпела существенные перестройки. В первую очередь были снесены внутренние стены центрального зала, так что оказались уничтоженными сами обводные коридоры, а на освободившейся обширной площад-

ке внутри внешних обводных стен теперь был устроен обширный девятиколонный зал общей площадью около 400 м². Высокие, квадратной формы колонны сложены из сырцового кирпича и обмазаны сверху толстым гладким слоем глиняной штукатурки. Колонны в зале располагались тремя рядами, по три в каждом ряду, внутренние стены были украшены массивными пристенными пиластрами. В центре девятиколонного зала, прямо напротив входа, на полу располагался алтарь со слоем плотной, слежавшейся золы. Девятиколонный зал через общий проход соединялся со вторым помещением меньших размеров, с четырьмя колоннами внутри.

К моменту раскопок далеко не полная высота колонн достигала 4 м, так что можно легко представить, как величественно выглядело в древности все сооружение, вознесенное на высокую платформу. Крыша, поддерживаемая колоннами, создавала полумрак в помещениях, и лишь в центре главного зала, в алтаре, мерцало пламя огня.

Но перестройка храма на этом не ограничивалась. По прошествии достаточно длительного времени, когда алтарь обсыпался и растрескался от воздействия жара, он был почти полностью срублен и заложен сверху сырцовыми кирпичами, причем поднялся общий уровень пола девятиколонного зала. В это же время к стенам были пристроены лежанки-суфы, а интерьер зала застраивается помещениями неправильной ко-соугольной конфигурации.

В результате при коренной перестройке изменилась не только планировка, но, по-видимому, и назначение всего здания. Был девятиколонный зал теряет свой первоначальный монументальный облик, симметричность прямых линий заменяется косоугольными помещениями, нередко с кривыми, небрежно сложенными стенками. Вместо обширного девятиколонного зала мы теперь видим серию небольших помещений, группирующихся вокруг внутреннего зала. Несмотря на перепланировку всего здания, одновременно с этим внешние оборонительные стены укрепляются и одеваются в мощный кирпичный футляр. Очевидно, что сооружение не забрасывается и не приходит в упадок, но видоизменяются его планировочные принципы и, возможно, конкретное назначение. Теперь это, может быть, уже не культовое здание, а резиденция местного правителя.

Заключительный период существования монументального здания знаменуется грандиозным пожаром, в огне которого гибнут помещения, и обрушивается балочное перекрытие главного зала, состоявшее из длинных толстых бревен. В огне пожарища гибнет все здание Тилля тепе, причем по некоторым наблюдениям, эта катастрофа, возможно, связывается с насильтвенным включением Бактрии в середине I тыс. до н.э. в систему мирового ахеменидского государства.

Но вернемся к монументальным сооружениям Бактрии эпохи бронзы, и в первую очередь к храмам в пункте Дашилы-3. Исключительного значения заслуживают планировочные принципы этих монументальных зданий, традиции которых находят глухие отзвуки в "Авесте". Два крупнейших немецких специалиста, такие как Б. Брентес и К. Иеттмар, независимо друг от друга пришли к единому мнению, что круглый храм Дашилы-3 из всех известных памятников более всего связывается с авестийской легендарной крепостью, которую построил перво человек Иима. К этому выводу присоединяется и финский ученый А. Парпола, прямо отметивший, что "это соответствие очень близкое". Не ограничившись этим замечанием, он дополняет это сходство с данными "Ригведы", где упоминается форт, состоящий из трех концентрических сооружений, соответствующих трем мирам и вместе с тем золоту, серебру и меди. Точно так же, так называемый дворец в пункте Дашилы-3 специалистами связывается с мандалами или, иначе, с местом, где проходила коронация вселенских монархов индоиранских правителей. Так, Дж. Туччи, специалист с мировым именем, описывает мандалу как дворец, по середине каждой из четырех сторон которого, помещения образуют фигуру в форме буквы Т, что как бы словесно характеризует планировку второго монументального здания в пункте Дашилы-3.

Таким образом, монументальные сооружения в пункте Дашилы-3 большинством специалистов ставятся в связь с индоиранскими племенами: с их верованиями и культовой обрядностью, нашедшей свое отражение в "Авесте" и "Ригведе".

Вместе с тем в настоящее время появились данные, происходящие из Маргианы, памятники которой в еще большей степени находят свои соответствия в культовых обрядах индоиранских, арийских племен, как они рисуются по "Авесте" и "Ригведе". Имеются в виду результаты раскопок памят-

ника Тоголок-21 — невзрачного, почти не выраженного в рельефе, казалось бы навечно скрытого за высоченными барханами. Расстояние между двумя небольшими всхолмлениями едва достигало 200 м. Северное из них представляло собой обычное, рядовое поселение с большим количеством битой керамики на поверхности и с остатками гончарных горнов на окраине.

Второе, расположенное южнее, выглядело еще более невзрачным. Но однажды археологи попали сюда после того, как прошел сильный дождь. Дождь закончился накануне, и под жаркими лучами солнца, как на проявленном негативе, стали проступать подсыхающие стены, оплывшие руины которых обычно выглядят серо и однообразно. Как известно, сырцовые кирпичи медленнее отдают влагу, и поэтому, когда под лучами солнца начинает подсыхать земля, на светлом фоне опловов начинают проступать былые стены зданий. На этот раз "проявилась" стена четырехметровой ширины, которая к тому же сохранила окружные в плане, мощные оборонительные башни. Стало очевидным, что это необычное сооружение, отличное от рядовых поселков, какие в изобилии были открыты в предшествующие годы в древней стране Маргуш.

В результате работ было установлено, что это монументальное сооружение было возведено наверху небольшого, до одного метра высотой, естественного возвышения. В качестве строительного материала использован сырцовый, высушенный на солнце, прямоугольной формы кирпич со средними размерами 44x24x12 см. К моменту раскопок сохранность комплекса была очень плохая: в результате естественных процессов дефляции стены комплекса оказались смытыми, так что сохранившаяся высота их в среднем достигала не более 50-70 см, а местами былые полы оказались на дневной поверхности холма.

В истории существования памятника отмечаются три основных периода. В первый, и главный, период здесь, но уже по предположительно готовому плану, было возведено огромное монументальное сооружение — храм, которое претерпело несколько этапов перестроек и ремонтов, но в рамках основного периода. Во второй период, когда храм пришел в упадок, а возможно, и совсем был заброшен, его краевые части были использованы рядовыми общинниками, которые приспособили былые строения для своих жилищ, частично

застроив их помещениями жилого и хозяйственного назначения. Показательно, что эти застройки бытового назначения практически не затронули центральную часть памятника или, иначе, крепость. В третий период и рядовые общинники ушли отсюда, а былые помещения их были приспособлены под кладбища. Судя по тому, что могильные ямы перерезают основания былых стен, кладбище здесь образовалось, когда многие помещения уже находились в руинах.

С самого начала строители обвели естественный холм гигантским прямоугольником внешних стен с общими размерами 140 на 100 м, точно ориентировав их по странам света. Ширина этой внешней стены достигает 2,5 м, так что, по мнению специалистов, былая высота достигала 5-6 м. По углам были устроены круглые, а по периметру — полукруглые, полые внутри башни, но никаких следов кирпичных лестниц обнаружено не было (рис. 27).

В северо-западном и северо-восточном углах внешней обводной стены были устроены две специально выделенные площадки бесспорно особого назначения (рис. 28).

Первая из них, "площадка с платформами", сохранилась очень плохо — можно судить лишь о главных ее чертах. Здесь прямо в материке были устроены две кирпичные платформы прямоугольной формы, из которых лучше сохранившаяся, южная, имеет по краю невысокую кирпичную оградку с двумя нишами и проходами. Тот факт, что оградка платформы выложена из одного ряда кирпича, указывает на ее небольшую высоту при самом строительстве. Иначе говоря, это могла быть открытая платформа с оградкой по краю, с одним проходом и двумя нишами, но не имеющая бытового назначения. Вторая платформа — много худшей сохранности, но и она первоначально имела оградку.

Рядом с ними, и тоже в материке, выпущено пять прямоугольных камер, вытянутых цепочкой в ряд и сильно обожженных изнутри. Эти алтари огня не имеют внизу отверстий-продухов, что начисто исключает их бытовое назначение (рис. 29, N 9). К моменту раскопок они оказались специально сплошь засыпаны рыхлой землей, так что лишь на дне имелись явно зольные прослойки. В одной из камер был обнаружен амулет, изготовленный из гретого стеатита, с гравированным изображением лежащего животного, предположительно с какими-то знаками над его спиной. В целом площад-

ка с платформами, скорее всего, являлась местом, где проходили культовые церемонии, связанные с длительным горением огня.

Вторая, так называемая алтарная, площадка сохранила пол, выполненный сплошь регулярной кладкой кирпича, на которой располагаются несколько взаимосвязанных помещений, особое назначение которых подчеркивается тем, что не только их стены, но и полы сплошь покрыты белоснежной гипсовой обмазкой, местами в несколько слоев. Перед этим небольшим комплексом помещений, с северной стороны, располагаются двор и два круглых, но разных размеров, алтаря, связанные с помещениями двумя общими проходами.

Меньший (рис. 29, N 1) алтарь представляет собой круг, сложенный из кирпичей на высоту около 0,5 м, он оказался заполненным толстым слоем слежавшейся золы белого цвета и заложенным, как бы запечатанным сверху, аккуратной кладкой кирпича в один ряд. Стены и пол сохранили следы слабого влияния огня, что не идет ни в какое сравнение с вышеописанными алтарными камерами.

Более сложен вопрос о конструкции второго алтаря (рис. 30). С самого начала в материке была вскрыта огромная круглая яма, стены которой изнутри были выложены кирпичами. Почти на трехметровой глубине этой ямы разводили ритуальный огонь — к моменту раскопок сохранился слой чистой золы. Сверху этот слой был тщательно обмазан слоем глины, на котором затем были построены две кирпичные стены, перекрещивающиеся в центре, образуя четыре сегмента. В каждый из сегментов было поставлено по пять огромных пифосов, причем все вверх дном, среди которых выделяется один маленький чайник, но не с одним, а с двумя носиками, точно соответствующий аналогичным, происходящим из могил северного Афганистана.

Вся эта крестообразная конструкция сверху была полностью засыпана чистым песком на толщину около 0,5 м и затем снова обмазана глиняной обмазкой, за которой идет слой золы, исключая центральную часть. Возможно, что этот центральный круг отмечает место, где стояла переносная жаровня, на которой совершались жертвенные ритуалы, связанные с огнем, свидетельством чего и является зола, рассыпанная вокруг центральной части.

Наконец, в последний период устраивается алтарь, покоящийся на нижележащих слоях, но не с горизонтальным, а с углубленным чашевидным дном с небольшой ямкой в центре, заполненной золой и угольками. Показательно, что на протяжении всего времени существования алтаря вход всегда был один и вел в рядом расположенное помещение. Обращает на себя внимание "пятно" диаметром около одного метра, в виде тонкой корочки от какой-то засохшей жидкости, включающей следы жира, расположенное у самого входа, на поверхности кратерообразного дна алтаря. Подобно рядом находящемуся малому алтарю, и этот оказался сплошь заложенным, как бы запечатанным внутри, кирпичами. Аналогичную картину можно было видеть на тепе Нуши Джан, где к моменту раскопок алтарь также оказался заложенным сырцовыми кирпичами.

Судя по засохшему " пятну" у входа в большой алтарь и обнаружению здесь же костяной трубочки с гравированными человеческими глазами, употреблявшейся для культовых возлияний, думается, что сам алтарь был связан с культовыми возлияниями. Осталось добавить, что на полу помещения, непосредственно примыкавшего к большому алтарю, находилась крупная стеатитовая многолучевая розетка, выполнявшая роль эмблемы; точно такая же, но более тщательно изготовленная, происходит из разграбленных могил Бактрии. Нас не должно смущать то, что раскопанные здесь алтари не вытянутые вверх, а, напротив, очень низкие — крупнейший специалист зороастрийской религии М.Бойс прямо отмечает, что зороастрийские алтари были невысокие и располагались "на уровне глаз сидящего человека".

Но вернемся к общей планировке всего комплекса. Как мы помним, первая внешняя ограда Тоголок-21 была не застроена внутри и, видимо, предназначалась для вмещения большого количества паломников. Сами культовые ритуалы происходили в двух северных углах: на площадке с алтарами, где производились жертвоприношения, и на площадке с платформами, где совершался культ огня.

Внутри этого внешнего прямоугольника стен располагается второй, размером 80 на 70 м, с круглыми башнями по углам и полубашенками по периметру стен. Вся внутренняя часть этого прямоугольника оказалась незастроенной, исключая западную, где вдоль стены располагается свыше 30

вытянутых в цепочку, удивительно однотипных, а главное, чрезвычайно узких камер с проходами в торцовой части. На полах некоторых из них находился тонкий, желтоватого цвета, слой органических остатков, который, по определению специалистов — биологов Московского Государственного Университета, содержал шерстяные волокна и, видимо, образовался от подстилок типа кошм. В таком случае это могли быть специальные кельи, а учитывая неудобные узкие размеры — кельи аскетов, так как рядом было сколько угодно свободного места для возведения нормальных для проживания в них комнат.

Наконец, внутрь этой прямоугольной ограды было встроено центральное здание размером 60 на 50 м, с круглыми башнями по углам и полубашенками по середине западной и восточной стен. Ширина стен достигает 4,5 м, что по мнению архитектора В.Антонова предполагает общую высоту стен до 10-12 м. На это строительство должно было быть использовано около одного миллиона сырцовых кирпичей!

В северной части всего комплекса располагается широкий въезд, оформленный с двух сторон выступающими вперед прямоугольными пилонаами (рис.31).

Судя по тому, что строители поместили "крепость" в центре всего, за высокими стенами двух оград, думается, что это и была самая главная, сакральная часть в системе всего монументального комплекса Тоголок-21. Застройка внутри крепости отличается поразительной четкостью прямоугольных помещений, образующих строго продуманную планировку, подчиненную ее функциональному назначению. Вся внутренняя застройка крепости цепочкой узких коридоробразных помещений, идущих по линии восток-запад, делится на две почти равные части: северную — парадную и южную — подсобную.

Парадная половина выгодно отличается от подсобной тем, что практически все составляющие ее помещения сохранили не только на стенах, но и на полах белую гипсовую обмазку (иногда до 7-8 ремонтных прослоек), что уже само по себе указывает на их особое, не бытовое назначение. Центральное, организующее место парадной части занимает помещение T 23 или, иначе, крытый дворик с вестибюлем (помещение T 20) и тремя обводными коридорами (помещения T 14, 24 и 39), составляя сакральную часть в системе всей

крепости. Думается, что именно здесь происходили культовые церемонии, и хотя конкретные формы их остаются неизвестными, в какой-то степени о них можно судить по тому, что на каком-то этапе внутри произошли перестройки, связанные с ритуальными жертвоприношениями. Именно на этом же этапе в северо-западном углу крытого дворика устраивается и керамическая выстилка с отходящей под пол дренажной системой в виде желоба, составленного из обломков крупных сосудов. По аналогии с жертвенными местами Месопотамских храмов, и это могла быть специально устроенная площадка, где производилось закалывание жертвенных животных, а кровь по желобу стекала под пол. Наконец, в противоположном, юго-западном, углу в пол был закопан огромный, конической формы чан, органические остатки которого содержали микроскопические веточки эфедры.

В парадной части выделяются также два однотипных помещения (Т 8 и 36) с кирпичными возвышениями в торцовой части, видимо выполнившими роль своеобразных подиумов, также покрытых белоснежной гипсовой обмазкой. Возможно, оба эти помещения — своеобразные молельни. Точно такие же молельни, с такими же сухими возвышениями, располагались в центральной части круглого храма на Даши-3, начисто исключая элемент случайного совпадения. Показательно, что в системе всей планировки крепости обе молельни располагаются рядом, в одном микроблоке, изолированном от крытого дворика, но зато связанны с микроблоком, расположенным непосредственно южнее. Особое место занимают девять камер, расположенных по обе стороны от центрального коридора. Не исключено, что они являлись кельями, в которых жили храмовые служители. Здесь же отметим, что на втором этапе основного периода в середине коридора был устроен глубокий колодец, а в заключительный период кельи были заложены (подобно алтарям) сплошной кирпичной кладкой. В одной келье в кирпичной кладке была найдена каменная трехгранная призма с гравированным изображением, типичным для месопотамской глиптики: гора с деревом на вершине — предположительно, символ бога Мардука. Вместе с тем змеи, вставшие на свои хвосты по обе стороны от горы с деревом, — чисто местный, маргианский мотив.

Помещения южной, подсобной, половины крепости не имеют полов с гипсовой обмазкой, и помимо микрокомплекса с кельями особое место здесь занимает помещение Т 34, которое посредством узких проходов соединяется с крытым двориком, что лишний раз указывает на их культовую функциональную взаимосвязь. По внутреннему устройству это помещение резко отлично от всех остальных, так как вдоль его стен идут специальные ступенчатые кирпичные возвышения, в которые были вкопаны огромные, выше одного метра высотой, сосуды типа пифосов. К моменту раскопок сохранились только их нижние части, оказавшиеся снаружи покрытыми толстым слоем гипсовой обмазки, переходящим на само возвышение, намертво скрепив пифосы и возвышения между собой. Кроме того, на возвышениях сохранились остатки своеобразных ванночек, выдавленных в толстом слое гипса.

Органические остатки, взятые со дна пифосов, были исследованы профессором Н. Р. Мейер-Меликян. Были выявлены микроскопические веточки эфедры — растения, содержащего алкалоидный экстракт эфедрин. Здесь же на полу была обнаружена костяная трубочка с гравированными человеческими глазами, внутри которой была обнаружена пыльца мака. Наконец, на каменных терках и пестиках как этого, так и других помещений, также были выявлены микроскопические остатки зерен мака, еще одного алкалоидного растения. Суммируя полученные фактические данные из помещения Т 34, можно считать доказанным, что оно было связано с процессом приготовления опьяняющих и галлюциногенных напитков, способных приводить человека в состояние эйфории. И, видимо, не случайно на вышеупомянутых костяных трубочках всегда выгравированы только лишь преувеличенно большие глаза с расширенными зрачками.

Итак, впервые в мировой археологической практике на Тоголок-21 удалось обнаружить ископаемые остатки растений эфедры и мака, использовавшихся человеком для приготовления опьяняющих и галлюциногенных напитков. До этого открытия в науке живо дискутировался вопрос, какое же конкретно растение употреблялось для этих целей. Предлагалось, что это могли быть конопля, мандрагора, мак, особый вид гриба-мухомора и другие. Очевидно, что в разных регионах обширного обитания индоиранских племен могли употребляться разные из перечисленных растений, но в Мар-

гиане это была эфедра и, видимо, мак. Эфедра до сих пор произрастает в предгорьях Копет Дага, и можно считать доказанным, что маргианские племена совершали многокилометровые экспедиции сюда за этим растением. И в этом нет ничего необычного, так как до сих пор современные зороастрийцы Индии специально приезжают в Иран и вывозят оттуда эфедру, так необходимую им для изготовления напитка типа сомы-хаомы.

Если теперь обратиться к находкам крепости Тоголок-21, то нетрудно убедиться в наличии здесь всех компонентов, необходимых для приготовления напитка типа хаомы. В самом деле, крупные чаны с остатками эфедры были обнаружены во многих помещениях, на полах которых к тому же находилось огромное число каменных терок, пестиков, зернотерок — в количестве, превышающем во много раз потребности обычных бытовых нужд.

Столь же показательны небольшие цедилки со сквозными отверстиями на дне, и в особенности характерной формы конические сосуды с круглым отверстием в центре дна. Если прикрыть это отверстие кусочком ткани или клочком овечьей шерсти, сосуд прекрасно мог служить для процеживания. Если теперь вспомнить веточки эфедры в комплексе со всеми этими находками, то ответ может быть только однозначным: в крепости Тоголок-21 шел процесс приготовления культового опьяняющего напитка типа сомы-хаомы, который затем использовался в ритуальных церемониях. Теперь уже нетрудно представить себе, что сами эти церемонии проходили у вышеупомянутого комплекса алтарей, где местные жрецы совершали культовые возлияния, в результате чего и могла образоваться тонкая корочка: большое "пятно", которое было расчищено археологами у самого входа в большой алтарь.

Но бесспорно решающим было нахождение специальных культовых сосудов средних размеров, верхние бортики которых украшают маленькие, налепные скульптурные фигурки птиц, людей и животных. Присутствие этих хрупких, легко ломающихся фигурок начисто отменяет предположение об обычном, бытовом применении таких сосудов, указывая на специальное, культовое их назначение.

На полах помещений крепости были встречены не только фрагменты, но археологически целые сосуды с налеп-

ными фигурками по бортику. Наиболее полное представление о культовых сосудах Маргианы дает сосуд, найденный по соседству с Тоголок-21, почти полный скульптурный фриз которого сохранился. Но кроме того внутри сосуда находилось еще пять миниатюрных сосудиков, составляя все вместе целый "питейный набор".

Как правило, центральное место среди фигурок занимают изображения стоящих рядом друг с другом двух людей. Одна из фигурок держит младенца у груди, а вторая показана в явно униженной позе: с руками за спиной и опущенной головой. Долгое время тематика их оставалась не совсем ясной, и по логической ассоциации предполагалось, что ребенка держит мать, пока одна счастливая находка на Тоголок-21 не внесла окончательную ясность. В одном из помещений археологам попался целый сосудик типа кринки, обычный для этого памятника, но с одним отличием: внутри сосудика находилась не обычная насыпная земля, а две человеческие статуэтки. Сделаны они были из необожженной глины и до деталей напоминали вышеописанные налепы на культовых сосудах с одной, но существенной, разницей — с четко выраженным признаком пола. Дело в том, что все прежние фигурки были вылеплены обобщенно. В данном случае в сосуде находились, вероятно, индивидуальные произведения, выполненные для кого-то, занимавшегося магией. На это указывает множество костяных осколков, глубоко воткнутых в тела фигурок (рис. 32).

Против всяких ожиданий оказалось, что ребенка на груди держит не женщина, а мужской персонаж, в то время как женщина показана с заведенными назад руками. Думается, что как центральные персонажи на культовых сосудах, так и две статуэтки внутри кринки, передают образы главных героев тех мифов, что широко были распространены в местной среде. Такие композиции представляют собой своеобразные "конспекты" или, иначе, "цитаты" подобных мифов, понятные каждому жителю Маргианы. Именно потому, что они, являлись общепонятными символами, профессиональные гончары и не детализировали свои произведения, вполне справедливо полагая, что они и так поняты даже самым малым детям. Такое положение можно сравнить с распятиями — независимо от мастерства, большей или меньшей дета-

лизации, каждому ясно, что и какой эпизод отражает человеческая фигурка, распятая на кресте.

Если справедливо мнение, что культовые сосуды действительно специально изготавливались для наполнения их напитком типа хаомы, то логично предположить, что с этой же темой связаны скульптурные фризы на их бортиках. Они могут отражать мифы, связанные с этим божественным напитком, мифы, которым в "Авесте" и особенно в "Ригведе" посвящены многие десятки, если не сотни, хвалебных гимнов. В этом плане особый интерес представляет один миф "Ригведы", в котором повествуется об обожествлении растения сомы, где уже бог Сома выступает как дитя бога Грому и Земли. Во многих древних религиях мира небо выступает как мужское, а земля — как женское начало, с чем заманчиво сопоставить семантику фризов на культовых сосудах. В таком случае этот общий индоираникский миф может найти свое скульптурное отражение на этих фризах: бог грому насилино отбирает у матери их общее дитя, вознося его на небо и тем самым давая ему статус бога Сомы-Хаомы.

Помимо Маргианы такие культовые сосуды столь же широко были распространены в Бактрии, где они помещались в могилы в качестве заупокойных приношений. Подобно маргианским, и здесь на бортиках имеются налепные фигурки диких и домашних животных (в том числе двугорбых верблюдов), птиц и людей. На одном таком фрагменте сохранилась композиция, включающая двух борющихся людей, один из которых делает ногой подсечку другому. Налицо все та же идея противоборства — возможно, представлен эпизод борьбы за общее дитя. Из тех же разграбленных могил Бактрии происходят разрозненные обломки одного культового сосуда, среди которых выделяется фрагмент с изображением явно мужской фигуры с расставленными в "борцовской" позе руками. За пояс его, сзади, заткнут топор — непременный атрибут бога-громовержца, обитавшего, по поверьям древних, на небе. Это еще раз свидетельствует о связи скульптурных фризов таких культовых сосудов с мифами "Ригведы".

Документально засвидетельствованный факт нахождения внутри большого маргианского сосуда пяти маленьких предполагает, что все вместе они, скорее всего, употреблялись при культовых возлияниях. В таком случае это могло быть ритуальное питье сома или хаома, напиток бессмертия

ариев, у которых существовал особый ритуал приготовления хаомы, засвидетельствованный в "Авесте" и "Ригведе". Само слово "хаома" переводится как "выжимать, приготовлять сок", им обозначалось как само растение, так и выжимаемый из него сок. В священных книгах зороастризма подробно описывается способ приготовления хаомы. Для этого использовали особое растение, которое предварительно мочили в воде, затем толкли пестиками в ступках, процеживали сквозь цедилки и затем наполняли сосуды, где он смешивался с водой, ячменными зернами, кислым молоком. Полученная смесь бродила и могла оказывать возбуждающее галлюцинопогенное воздействие на человека. Этот опьяняющий культовый напиток, как теперь установлено, приготовлялся из растения эфедры, из которого получают алкалоидный экстракт эфедрин.

По данным лингвистов, это растение связывается с культом божества экстаза, магии и прорицания, так необходимым жрецам при священных церемониях, отправлении культовых ритуалов и обрядов.

Сохранилось также в "Авесте" и "Ригведе" в целом сходное описание, как хаома попал к людям. Наиболее популярный миф имеется в "Ригведе", где повествуется, что сначала люди не знали хаому — растение, произраставшее на высокой горе, высоко у самого неба. Быстрокрылый орел похитил это растение и принес на землю: "Распластавшись в полете с шумом ринулась с небес Птица, взяв сому, и понеслась над высокой вершиной к сторонникам Инды, тут отпустил тетиву стрелок Кришану, быстрый мыслю..." — хотел помешать похитить сому. Заканчивается это древнее песнопение так: "Пусть же светлый кубок — смешанный с молоком, бьющий через край чистый сок — преподнесенный жрецу лучший мед предназначит щедрый Индра для опьянения".

В "Авесте" пересказывается та же версия: бог-создатель посеял хаому на высочайшей горе, откуда растение попадает на землю. "Тебя, Хаому, творцом созданного героя, поставил бог на горы Харайти. Но затем унесли тебя оттуда святые птицы по всем направлениям... и там с тех пор растешь ты, многообразный, сочный, золотистый Хаома". Хаома считался напитком бессмертия для богов, но пили его жрецы, что якобы продлевало их жизнь. "Я призываю опьянение тобой, о, золотистый хаома, — силу, победоносность, исцеление,

энергию для тела, всестороннее знание", - так говорится об этом напитке в "Авесте". Но не следует понимать, что зороастризм поощрял любое опьянение. Напротив, в "Авесте" противопоставляется священное опьянение хаомой обычно: "все другие хмельные напитки приводят к демону гнева и неистовства", "и только он — напиток хаома" ведет к священной истине. Как можно предполагать по одной сохранившейся каменной скульптуре, не только мужчины, но и женщины участвовали в подобных ритуальных опьянениях. На каменном рельефе изображена полуобнаженная женщина с опущенной головой, закрытыми глазами и блаженной улыбкой на губах, которую с обеих сторон поддерживают двое мужчин. Хаома — одновременно и напиток, и божество экстаза, и само состояние экстаза. Священные книги зороастрийцев сохранили для нас не только рецепты приготовления этого "божественного напитка", но и культовые ритуалы, связанные с ним. На возвышенном месте, где восседали боги, расстилалась жертвенная солома, возжигался огонь, под ритуальные песнопения из особых сосудов выплескивался напиток, совершались культовые возлияния.

До самого последнего времени лингвисты считали, что куль хаомы противоречит ортодоксальному зороастризму, но это предположение было опровергнуто работами ряда крупнейших специалистов. Тщательный пересмотр соответствующих мест в "Авесте" привел их к выводу, что Зороастр не осуждал куль хаомы. Словом, имеются веские данные предполагать, что скульптурные фигуры на культовых сосудах отражают еще неизвестные нам мифы, связанные с обожествлением хаомы. Надо полагать, это один из возможных вариантов раскрытия семантики таких скульптурных композиций, наряду с которыми существовали и другие. Доказательством тому служат помещенные изнутри многих сосудов налепные изображения извивающихся змей среди распластанных лягушек.

Культовые сосуды Бактрии и Маргианы уникальны, им нет соответствий в системе всего Древнего Востока, если не считать весьма отдаленную находку, сделанную совсем недавно в Сирии при раскопках монументального здания на памятнике Тельль Брак. Здесь английские археологи обнаружили в руинах одного здания прямоугольной формы керами-

ческий сосуд, по всем четырем углам которого, извиваясь, выползают на венчик змеи.

Показательно, что раннему зороастризму было чуждо идолопоклонство. Этому в какой-то мере соответствует и то, что жители Маргианы и Бактрии не изготавливали из глины своих божков и идольчиков — их заменяли культовые сосуды, что с бесспорностью указывает на специфические культовые ритуалы и воззрения маргианцев.

Если учесть, что крепость составляет центральную часть всего комплекса и что назначение ее было связано с приготовлением культового напитка типа хаомы, то станет очевидным, что Тоголок-21 являлся храмом, в первую очередь связанным с культовыми возлияниями. В этом плане особый интерес представляет тот факт, что на части каменных терок были обнаружены мельчайшие остатки зерен мака — помимо эфедры и это растение использовалось древними в качестве возбуждающего средства, что, кстати, впервые засвидетельствовано для столь раннего времени. Но назначение храма было более широким: наряду с культовыми возлияниями существовал здесь и куль огня. Документальным свидетельством этого является вышеупомянутый малый алтарь. Нетрудно себе представить, как жрецы в окружении храмовых служителей, разлив хаому по культовым сосудам, медленно двигаясь из центральной крепости, приближались к алтарному комплексу, где в малом алтаре уже ярко полыхало высокое пламя. Процессия на глазах многочисленных паломников скрывалась в помещениях, примыкающих к алтарям, и после определенных церемоний главный жрец, держа в вытянутых руках культовый сосуд, вступал в проход большого алтаря и, произнося молитвы, медленно выплескивал священную жидкость на гладкий кратер, где уже образовывалась тонкая корочка от предшествующих возлияний.

Но, разумеется, культовые обряды были много более сложными и разнообразными, чем это представляется нам сейчас. Доказательством тому служат каменные двухсоставные изделия, встреченные рядом с культовыми сосудами. Они состоят из основания-конуса, выточенного из темного стеатита, и насыженного на него белоснежного цилиндра, изготовленного из мраморовидного камня. Цилиндр имеет на торцевой части углубление, при помощи которого он держался на конусовидной подставке, образуя вместе единое состав-

ное изделие. Отдельные цилиндры имеют форму фаллоса и, видимо, действительно были связаны с фаллическими культурами, достаточно широко распространенными у многих древних племен, что, в частности, предполагается для городской хараппской цивилизации долины Инда. Все такие каменные цилиндры с Тоголок-21 сохранили в верхней части следы стертости и даже оббиты, что указывает на их использование в качестве ритуальных ступок или терочек. Не исключено, что применялись они и в астрономии — как это, например, допускается для сходных изделий городской хараппской цивилизации долины Инда. И хотя точное назначение двухсоставных изделий остается не совсем ясным, их особое, не утилитарное назначение, не вызывает никаких сомнений.

Точно так же интригующую загадку представляют так называемые миниатюрные колонки, встреченные в могилах Бактрии, а теперь — в храме Тоголок-21, но в количестве, превышающем все известные из Ирана и Афганистана, взятые вместе. На полах крепости археологи обнаружили свыше тридцати как целых, так и обломков миниатюрных колонок, выточенных из различных пород камня с завидной тщательностью и аккуратностью. Подобно бактрийским, и эти имеют высоту не более полуметра, поверхность их заглажена до зеркального блеска, на торцах сделаны специальные желобки. И хотя здесь не были встречены миниатюрные колонки с серебряными обоймами, как в Бактрии — один образец сохранил на торце следы бронзовой обкладки и два узких отверстия, куда вставлялись гвоздики, крепившие такие обоймы к самому столбiku (рис.33).

Зато на Тоголок-21 археологам посчастливилось обнаружить одну такую колонку с крышкой, что хотя и не продвинуло вперед вопрос об их истинном назначении, но безусловно в будущем поможет установить, для чего они предназначались в древности.

Явно церемониальный, возможно культовый, топор, отлитый из бронзы, был найден за внешней стеной крепости, лезвие его затуплено, а втулка настолько узкая, что деревянная рукоять не превышала толщины пальца. Второй точно такой же топор происходит из разграбленных могил Бактрии, а вместе они имеют западное происхождение, близко напоминая топоры юго-западного Ирана (рис.34).

Исключительного интереса заслуживает мраморная головка быка, выполненная в лучших традициях камнерезного искусства. Рога и уши быка были изготовлены отдельно и вставлялись в специальные отверстия на голове. С тыльной стороны головка быка имеет ровную, тщательно заглаженную поверхность, а по краю — три отверстия, образуя вместе своеобразную булавку, чрезвычайно близко напоминая те, что до сих пор употребляются зороастрискими жрецами. В этом плане показательна золотая головка быка с Алтын депе, также со вставными рогами и ушами и отверстиями для крепления. Вместе с найденными здесь же миниатюрной колонкой и гирей весь этот комплекс с Алтын депе мог быть частью жреческих атрибутов, связанных с заупокойными культурами. Скорее всего, здесь мы имеем культовые изделия, связанные с ритуалами, близкими к тем, что практиковались в Маргиане, и в частности на Тоголок-21.

Если Тоголок-21 выступает как центральный храм, предназначавшийся для всех жителей страны Маргуш, и играет роль своеобразного кафедрального собора, то имелись и много меньшие сельские храмы типа приходских церквушек. В этом отношении показателен один такой храм, расположенный в тоголокской группе памятников. Здесь, в пункте Тоголок-1, высится большой холм (след поселения), бывший, судя по всему, центральным в системе этой конкретной группы памятников. Рядом, к востоку от него, находится небольшое блинообразное возвышение, общими размерами 100 на 70 м и высотой до полуметра от окружающего такыра. Именно здесь и был найден целый культовый сосуд, в косвенной форме указывая на возможность существования на этом месте еще одного храма.

Раскопки выявили остатки плохо сохранившегося здания, в центре которого располагается квадратная крепость размером 30 на 30 м при ширине кирпичных стен 1,5 м. Судя по всему, в середине северного фаса располагался центральный въезд с двумя круглыми угловыми башнями. Видимо, уже вскоре после возведения крепости ее стены стали наклоняться наружу, так что строители древности вынуждены были пристроить с трех внешних сторон контрфорсы. Внутри обводных стен крепости — взаимосвязанные прямоугольные помещения четкой планировки. Интерьеры помещений,

включая и полы, оказались покрытыми белоснежной гипсовой обмазкой (рис. 35).

Почти в центре крепости располагается своеобразный крытый дворик (помещение Т 50) с тремя проходами, ведущими в окружающие его обводные коридоры и соседние помещения. К западу от крытого дворика — прямоугольное помещение с небольшой кирпичной платформочкой в углу (помещение Т 9), покрытой гипсовой обмазкой, причем на ее поверхности было встречено несколько раздавленных целых сосудов, и в том числе цедилка с отверстием в центре. От кирпичной платформочки на полу веером расходятся три канавки, обмазанные внутри толстым слоем белого гипса (рис. 36). Крытый дворик и помещение с платформочкой до удивления близко напоминают аналогичные по назначению помещения на Тоголок-21, хотя и выстроены более просто и небрежно. Наконец, к югу от крытого дворика располагаются два однотипных помещения (Т 22 и 24), прямоугольные, с кирпичными возвышениями-суфами одной из торцевых сторон. В высшей степени показательно, что обе суfy оформлены с боков двумя выступами, образуя в плане букву Т, и прямо копируют уже упомянутые молельни Тоголок-21 и круглого храма Дашилы-3, не оставляя сомнения в их типологическом и, надо думать, функциональном сходстве. Рядом и вокруг крытого дворика, помещения с платформочкой и молелен располагаются другие большие и малые помещения, назначение которых не совсем ясно, хотя, возможно, обширное помещение Т 14 являлось своеобразным открытым двором (рис. 37, N 2).

На полах помещений были сделаны обычные для храмов Маргианы находки: несколько каменных миниатюрных колонок, обломки от венчиков культовых сосудов со скульптурными фигурками и костяная трубочка с нацарапанными человеческими глазами — наподобие тех, что были отмечены на Тоголок-21.

Уже сама характерная планировка крепости и состав находок в ней указывают на большую близость этого здания с храмом на Тоголок-21. Правда, здесь нет той монументальности и грандиозности, четкости и симметрии, но налицо общий планировочный принцип, обусловленный их общим культовым назначением. Можно почти не сомневаться, что в комнате с платформочкой проходил процесс приготовления

напитка типа хаомы, а сами ритуальные церемонии — в открытом дворике и соединенных с ним общими проходами вышеупомянутых молельнях. Подобно Тоголок-21, и здесь имеется выстилка, но не из фрагментов керамики, а из грубых кусков гончарного шлака. От этой площадки со стоком вниз идет открытый желоб, выложенный кусками гончарного шлака, выходящий за обводную стену крепости. Последнее наблюдение с документальной точностью показывает, что подобно Тоголок-21, и здесь жертвенная площадка с дренажом построена не с самого начала, а на каком-то более позднем этапе существования всего этого комплекса.

Наконец, как и на Тоголок-21, и здесь крепость не была изолированной, а являлась центральной частью более обширного и сложного комплекса. Раскопки показали, что архитекторы древности с самого начала окружили крепость гигантским полукругом внешних обводных стен. Причем, подобно самой крепости, и эти обводные стены уже вскоре после возведения стали клониться наружу, так что для поддержания их снаружи пришлось пристроить вторую контрфорсную стену, усилив ее теперь круглыми по углам и полукруглыми по периметру внешних стен башнями. В результате уже с самого начала крепость оказалась включенной внутрь обводной стены, но не полностью, а так, что ее северная часть с прямоугольным въездом выступала наружу. Кстати, еще в процессе раскопок обратил на себя внимание тот факт, что крепость сохранила лишь две угловые башни по северному фасаду, а не четыре, как этого следовало ожидать по логике их общепринятого назначения.

Правда, в ходе раскопок удалось частично расчистить угловую юго-западную башню, но, как оказалось, она была построена в более позднее время. Четвертая же башня вообще никогда не была построена. Только после полного завершения раскопок стало ясно, что такая ситуация диктовалась общей планировкой всего комплекса, когда его большая часть была скрыта за глухими обводными стенами. Иначе говоря, возведение внешней обводной стены с собственными башнями позволило укреплять крепость не всеми четырьмя башнями, а лишь только двумя по северному фасаду. Вместе с тем строительство поздней, юго-западной, башни свидетельствует о постепенном сокращении всего этого комплекса, об упадке и разрушении внешних обводных стен.

Но вернемся к начальному периоду, когда крепость гордо выступала из-за обводных стен своим северным фасом, с предположительным центральным въездом в середине, фланкированными с двух сторон круглыми угловыми башнями. Вся огромная площадь внутри полукруга обводных стен оставалась ничем незастроенной, если не считать восточного участка. Здесь раскопки выявили несколько помещений правильной прямоугольной конфигурации, назначение которых остается не совсем ясным, но которые были построены сразу, вместе с крепостью и внешней, оборонительной, стеной.

Именно здесь, на восточном участке, было устроено захоронение жрицы. Была вырыта огромная могила размером 6 на 4 м при глубине около 2 м. В северной части могилы было захоронено тело умершей, которое было обложено по бокам сырцовыми кирпичами. Мы не знаем в точности, что же было положено с умершей первоначально, но свыше 100 сосудов, некогда аккуратно сложенных пирамидой в северо-восточном углу, красноречиво свидетельствуют о богатстве былых погребальных приношений.

В противоположном углу могилы были устроены кирпичные ступеньки, по которым погонщик завел в могилу двух быков в качестве жертвенных животных. Но еще до того, как они были принесены в жертву, был убит сам погонщик, который к моменту раскопок лежал в неестественной позе, на спине, с заломленной рукой. Тот факт, что кости быков частично перекрывают скелет погонщика, с неоспоримостью указывает, что быки были заколоты после него. Около быков былложен целый сосуд и рядом — небольшой медный ковшик с длинной ручкой.

После этой драматической церемонии могила была засыпана, но, как оказалось, не навсегда. Через несколько лет, когда тело покойника уже разложилось, могила была ограблена. Достигнув пола, грабители частично нарушили скелет погонщика, разграбив основное захоронение. На месте они оставили лишь ненужные им керамические сосуды, аккуратно сложенные в углу, да еще обломок миниатюрной колонки (рис. 38, N 2), но не простой, а инкрустированной белыми фигурными вставками. Это третье из известных инкрустированных изделий подобного рода. Как мы помним, еще одно происходит из разграбленных могил Бактрии и теперь хранится в Лувре в Париже, а второе происходит из восточно-

иранского поселения Гиссар и находится в университетском музее Филадельфии (США). Здесь же были найдены обломки трех ритуальных сосудов (рис. 38, N 1), некогда стоявших у тела покойника и затем выброшенных грабителями за ненадобностью. Отметим, что свыше сотни погребальных сосудов, стоявших в углу могилы, представлено всего тремя основными формами, точно такими же, как у сосудов, употребляемых при культовых церемониях.

Общая планировка и состав находок на Тоголок-1 указывает, что это было культовое сооружение типа небольшого храма, предназначенного для нужд конкретного Тоголокского оазиса. Здесь жители близлежащих поселков могли совершать свои каждодневные культовые церемонии, в то время как храм Тоголок-21 являлся главным и основным. Вместе с тем показательно, что в противоположность Тоголок-21 здесь не обнаружены ни алтари огня, ни алтари для совершения культовых возлияний, что опять-таки указывает на более простые обряды и ритуалы. Правда, не исключено, что такие алтари просто не сохранились или не были выявлены раскопками, но и тогда весьма показательно, что небольшой сельский храм Тоголок-1 был предназначен для изготовления культового опьяняющего напитка, а не культа огня. В целом же храм Тоголок-1 выступает как периферийное культовое здание, выстроенное для нужд местных жителей. Здесь они совершали свои ритуалы, связанные в первую очередь с культовыми возлияниями.

Наконец, в самые последние годы небольшой храмик был раскопан на столичном поселении Гонур депе, где к югу от основного памятника, через небольшую седловину, располагается изолированная крепость с общими размерами 130 на 120 м, обнесенная по внешнему краю широкой кирпичной оборонительной стеной и мощными круглыми башнями по ее углам. В северной части располагается центральный въезд, оформленный с двух сторон выступающими вперед пилонаами. Хотя раскопки всей крепости еще далеки от окончательного их завершения, тем не менее уже сейчас можно считать, что в южном углу этой крепости располагался небольшой храмик, как бы представляющий собой миниатюрную копию храма Тоголок-21. И здесь все это сооружение четко делится на две части: северную — парадную и южную — подсобную. Центральное место в парадной части занимает внутренний

дворик с обводными коридорами и прилегающими к нему тремя вытянутыми, обширными помещениями, полы и стены которых были покрыты белоснежной гипсовой обмазкой (рис. 39).

В южной, подсобной, части выделяется обширное помещение, в углу которого располагается небольшая комната с возвышением у одной из стен, с вмазанными в него тремя чашами, которые скреплены с возвышением толстой гипсовой обмазкой. Эта гипсовая обмазка поднимается на прилегающую стену, но не сплошь, а тремя широкими полосами, между которыми, видимо, располагались рельефные выступы, не сохранившиеся к моменту раскопок. Осталось добавить, что стены и полы этого помещения также были сплошь покрыты белоснежной гипсовой обмазкой.

Содержимое чаш было исследовано профессором МГУ Н.Р.Мейер-Меликян, в результате чего удалось с документальной точностью установить, что в сосудах некогда находились остатки растений в виде плодов, семян и стеблей конопли и эфедры и в меньшей степени — мака, т.е. именно тех растений, из которых добываются наркотические вещества. Особенно много было найдено в чашах остатков конопли, из экскрета которой приготавливают гашиш, использующийся для жевания в качестве опьяняющего средства, вызывающего у человека повышенную чувствительность, восторг, шумную веселость, расширение зрачков, галлюцинации зрения и слуха.

Как становится очевидным, эта комната, подобно уже известным "белым комнатам" других храмов Маргианы, также была связана с приготовлением опьяняющих культовых напитков типа сомы-хаомы, не оставляя никаких сомнений в особом, культовом назначении этого здания. Показательно, что эта "белая комната" находилась внутри много более обширного помещения, на полу которого обнаружено восемь совершенно целых (или частично фрагментированных) так называемых "керамических подставок", назначение которых оставалось неясным. Теперь же, в контексте с "белой комнатой", где происходил процесс брожения галлюцинопенных напитков, думается, что на такие подставки устанавливали керамические чедилки, в виде средних размеров сосудов коческой формы, с отверстием в центре дна. Поставленные на такие подставки с прикрытым клочком шерсти отверстием

в дне, они в наилучшей степени служили для процеживания и отделения полученного сока от растительных остатков: стеблей и плодов конопли и эфедры. Естественно думать, что предварительно под такие керамические подставки устанавливались специальные сосуды, в которые и стекал процеженный таким образом сок.

Подобно храму Тоголок-21 и здесь, рядом с храмиком, в углу прилегающего двора располагались три впущенные в материк и обложенные изнутри кирпичами камеры со следами сильного воздействия огня. Думается, что и здесь мы имеем дело с алтарями огня, где храмовые служки разводили священный огонь. Это указывает, что наряду с культовыми возлияниями и здесь большое место занимал культ огня.

Напротив храмика, в противоположной, северной, части крепости Гонур располагается жилой квартал с обычными помещениями жилого и хозяйственного назначения. Кирпиче говоря, это была бы довольно обычная бытовая застройка, если бы не одна, в высшей степени показательная находка на полу одного из этих помещений: массивная медная печать, отлитая в виде орла в геральдической позе с широко распростертыми крыльями и гордо повернутой в сторону головой.

Казалось бы, интересная, но уже достаточно известная находка, однако значение ее трудно переоценить из-за другой находки из противоположной части раскопок. Здесь, в одном из хозяйственных помещений уже упоминавшегося храмика, были обнаружены пифосы, глубоко зарытые в полы комнат. Внутри одного пифоса была найдена глиняная булла, или, иначе, пломба, которой в свое время запечатали горло пифоса. Так вот, на этой-то глиняной пломбе четко сохранился оттиск орла в геральдической позе, точно соответствующем изображению на печати из жилого помещения частного дома, расположавшегося напротив храмика. Логическая цепь замкнулась — очевидно, что в этом помещении проживал один из тех, кто был связан с обслуживанием храмика. Теперь уже не остается никаких сомнений, что в жилом квартале, расположившемся напротив храмика, проживала его obsłуга — храмовые служки, следившие за нормальным функционированием храма.

Трудно переоценить значение открытия еще одного храма в Гонуре, третьего в Маргиане, когда все три связаны были с приготовлением культовых напитков типа сомы-ха-

мы и одновременно с культом огня. Показательно также, что объединяет их между собой и общий планировочный принцип: наличие в каждом внутреннего дворика в обводе коридоров и рядом находящейся "белой комнаты" (рис. 40). Эта архитектурная закономерность четко повторяется в "кафедральном храме" Тоголок-21, "сельском храме" Тоголок-1 и "дворцовом храмике" на Гонуре, лишний раз подчеркивая существование у местных племен традиционных культовых сооружений, связанных с одним и тем же культом огня и возлияний. Думается, что в "белых комнатах" происходил сам процесс приготовления галлюциногенных напитков, в то время как во внутренних двориках совершались ритуальные церемонии культовых возлияний.

Итак, в древней стране Маргуш, авестийской Моуру, археологические исследования увенчались открытием храмов, связанных с культом опьяняющего напитка типа хаомы или сомы, который был особенно популярен в среде индоиранских племен и вместе с тем — в зороастриской религии.

Выше уже отмечалось, что Зороастр не придумал совершенно новую религию, а реформировал старую, существовавшую у его соплеменников. Иначе говоря, он включил в свое учение старые верования и культовые представления, видоизменив их в угоду своей концепции. В таком случае есть все данные предположить, что в его учение были включены и старые культуры, связанные с опьяняющим напитком хаомой, которые являлись вековыми традициями местных племен и которые Зороастр не мог упразднить совсем, если не хотел потерять всех своих приверженцев. Культ хаомы был включен в реформированную религию, но с оговорками, и в частности, последователи нового учения могли отказаться от бывших пышных храмов, заменив их простой площадкой-возвышением под открытым небом. Иначе говоря, новоявленный пророк мог до предела упростить обрядовую сторону старого культа, видоизменив и форму культовых ритуалов.

Если подойти к интерпретации храмов Тоголок-21 и Тоголок-1 именно с таких позиций, то их следует рассматривать как храмы дозороастриских культов, которые были, хотя и в переработанном виде, включены в новое учение Зороастра. А кроме того следует вспомнить, что одновременно с тем, как на Тоголок-21 проходили церемонии культовых возлияний, в Бактрии, в храмах типа Даши-3, совершались

несколько иные обряды, что как будто бы противоречит официальному зороастрисму. Думается, что все эти монументальные памятники Бактрии и Маргианы принадлежали родственным индоиранским племенам и были созданы еще до появления религии зороастрисма. Затем, в переработанном виде, в той или иной форме они служили новоявленному пророку. По крайней мере со всей уверенностью можно утверждать, что как в Бактрии, так и в Маргиане накануне появления зороастрисма существовали культуры огня и опьяняющего напитка, их последующие традиции четко прослеживаются в учении Зороастра. Хотя и в косвенной форме, но есть основания предполагать, что близкие культуры и обряды существовали в восточном Иране и Белуджистане, где найдены обломки культовых сосудов со скульптурными фигурами на бортике и миниатюрные колонки. Использование сходного культового инвентаря в косвенной форме может указывать на существование сходных культовых представлений и ритуалов, что находит свое подтверждение на новом археологическом материале.

Если теперь сравнить бактрийские и маргианские храмы между собой, то при бесспорных общих архитектурно-планировочных отличиях, налицо достаточно устойчивый комплекс сходных признаков, в той или иной степени повторяющийся на всех этих памятниках. Так, в Бактрии круглый храм и Джаркутан четко делятся на парадную и подсобную части, что находит свою реплику в храмах Тоголок-21 и Тоголок-1. Точно так же практически во всех бактрийских храмах в той или иной комбинации использованы узкие, перекрытые сверху камеры, что находит свое полное соответствие в Тоголок-21 и Гонур-1. В Джаркутане зола из алтарей огня собиралась в хранилище священной золы, в специальном помещении. В Тоголок-21 и Гонур-1 онасыпалась в одно определенное место — к юго-востоку от самих храмов. Об аналогичных по устройству молельнях круглого храма Тоголок-1 и Тоголок-21 упоминалось выше (рис. 41), точно так же предполагаемая винодельня Джаркутана близко перекликается с помещениями для приготовления напитков типа сомы-хаомы в Тоголок-21, и в особенности Тоголок-1, а так называемые металлоплавильные очаги Джаркутана, соответственно, достаточно близко напоминают огненные камеры Тоголок-21 и Гонур-1.

Налицо определенный набор архитектурно-планировочных признаков, в разных комбинациях и сочетаниях повторяющихся в храмах Бактрии и Маргианы, что указывает на их общее генетическое родство и происхождение. Но точно так же очевидно, что бактрийско-маргианская школа зодчества в обеих этих исторических областях появляется в готовом виде и не имеет местных традиций. Думается, истоки этой монументальной архитектуры следует искать в более западных областях, и в первую очередь в Иране, так что, возможно, вышеотмеченные параллели с Нуши Джан в Мидии, хотя еще выступающие в самой общей форме, имеют под собой реальные историко-культурные обоснования.

В заключение необходимо отметить, возможно не случайное, обстоятельство, что в Бактрии все три храма имеют отличную друг от друга форму, в то время как в Маргиане оба храма — Тоголок-1 и 21 — практически повторяют друг друга. Если общая планировка таких зданий отражает их конкретное функциональное назначение, то следует признать, что в Маргиане наиболее распространены были храмы, связанные в первую очередь с приготовлением одурманивающих напитков и культовыми возлияниями и лишь затем — с культом огня. В таком случае можно допустить, что в среде местных древнемаргианских племен эти конкретные культуры имели вековые традиции, это были народные культуры, которых твердо придерживались местные племена. Тогда можно с большой долей вероятности предполагать, что именно в Маргиане следует искать существование тех древних верований и культов, которые позднее в реформированном виде будут включены в зороастрийскую религию. В частности думается, что культ хаомы и ритуальных возлияний, занимающие столь важное место в зороастризме, могли быть заимствованы новоизвленным пророком Заратуштрой из народных верований и культовых обрядов преимущественно Маргианы, что естественно предполагает и соответствующее заимствование этико-философских концепций, чрезвычайно высоко развитых в среде местных древнемаргианских племен.

Одним словом, создается впечатление, что в Бактрии, где бесспорно были известны культовые возлияния, более были распространены храмы огня, в то время как в Маргиане — культуры галлюциногенных напитков при безусловном

существовании культов поклонения огню, которые, однако, играли второстепенную роль.

Отсутствие письменности порой является трудно преодолимым барьером для понимания духовной жизни людей, и в частности тех, что во II тыс. до н.э. обитали в Бактрии и Маргиане. В подобной ситуации едва ли не единственным источником информации являются памятники древнего изобразительного искусства, в той или иной форме запечатлевшие духовную жизнь и идеологические представления изготовленных их людей.

Для нашей темы такими источниками в первую очередь являются изделия древней глиптики и сфрагистики — каменные амулеты и медно-бронзовые печати. Особого внимания заслуживают те из них, что некогда были украшены не только простыми рисунками, но и сложными, явно тематическими композициями. Установлено, что гравированные изображения на печатях не являлись отражением бездумной фантазии изготовленных их мастеров, а напротив, они отражают сложные идеологические представления, закодированные в виде "цитат" или "конспектов" былых мифов. Именно такие тематические композиции и донесли до нас через прошедшие тысячелетия те идеологические представления, что были распространены среди племен, обитавших в Бактрии и Маргиане. В результате беспрецедентных по масштабам хищнических раскопок многих тысяч могил на антикварный рынок Кабула хлынул поток былых погребальных приношений, и в том числе амулетов и печатей. Хотя большая часть их безвозвратно пропала в частных коллекциях мира, значительная часть таких изделий осела в музеях Европы и Америки и стала достоянием исследователей.

Бессспорно наиболее многочисленный тип составляют печати с изображениями креста и его вариаций. Имеются простые круглые печати, внутреннее пространство которых занимает крупный крест или в центре вписан миниатюрный крестик, соединенный с внешним ободком печати добавочными соединительными прямыми или полукруглыми полосками. Как разновидность можно отметить круглые печати, внутри которых вписаны кресты с четырьмя дополнительны-

ми лучами, также образующим крест. Наконец, имеются круглые печати, внутри которых вписаны крупные кресты, концы их оформлены либо в виде трезубцев, либо кружков, на одной печати крест образован фестончатыми лопастями. Печати этого типа достаточно широко были распространены на восточно-иранском плато, что и не удивительно, если учсть довольно очевидную культурную близость живших здесь племен.

До сих пор интригующую загадку составляет великолепная коллекция близких, а в ряде случаев идентичных, печатей перегородчатого типа, но происходящих, подобно большинству бактрийских, из грабительских раскопок могил на севере Китая в верховьях Желтой реки. Точное происхождение их до сих пор неясно, хотя впервые они появились на антикварном рынке еще в начале века. Печати настолько отличались от собственно китайских, что вскоре были опубликованы как принадлежащие христианам, которые, спасаясь от гонений, нашли убежище в восточном Туркменистане. Доказательством тому послужило то обстоятельство, что в этой коллекции имелись печати крестовидной формы. А кроме того, имелись здесь и фигурные печати в виде птичек, определенных как голуби — общизвестные символы христианской религии. В то время, когда изучалась эта коллекция, науке вообще не были известны перегородчатые печати бактрийско-маргианского типа, так что исследователям не с чем было их сравнить.

Иное дело сейчас, когда мы имеем богатую коллекцию сферистики, в особенности происходящей из Бактрии, в которой крестовидные печати не только похожи, а зачастую копируют китайские. Сходство настолько близкое, что возникает вопрос, не принадлежат ли они племенам, родственным бактрийско-маргианским по культуре? Вопрос этот может быть решен лишь после научных раскопок, но уже сейчас подмечено, что, возможно, не случайно они располагаются на "Великом Шелковом пути", хотя и более позднего времени.

Особую группу составляют скорпионы, всегда выполненные в полном согласии с природой. На месопотамских цилиндрах изображения скорпионов не являются редкостью, там они сопровождают эrotические сцены, что, как считают, связано с идеей плодовитости. С другой стороны, можно допустить и иное предположение: скорпионы, ведя ночной об-

раз жизни, скрываясь от яркого солнца и прячась в тени, могли олицетворять собой секретные силы природы.

Хотя изображения этих паукообразных, типичных для сухой, степной зоны Средней Азии, могли возникнуть независимо друг от друга, показательно, что в древнем искусстве южного Туркменистана, северного Ирана и Афганистана изображения скорпионов неизвестны вплоть до рассматриваемых печатей. Однако в центральном Иране рисунки скорпионов, хотя и изредка, но уже появляются на древнейшей посуде и печатях.

Изображения скорпиона трижды выгравированы на одном призматическом амулете с поселения Даши-1, свидетельствуя о его большом символическом значении в местной мифологии. Выделяется крупный амулет, на котором выгравирована пара скорпионов, а на обороте — человеческая ладонь с четко моделированными пальцами. В другом случае скорпиону сопутствует крылатое животное, отдаленно напоминающее крылатую лошадь со змеей под животом.

Скорпион изображен на крупном лазуритовом амулете ромбической формы, на другой стороне которого имеется рисунок в виде четырех линий, расходящихся из центра в стороны.

Показательна медная ажурная печать из Маргианы, в центре которой помещена крупная фигура скорпиона, по бокам — пара орлов в геральдической позе, но много меньших размеров, что лишний раз должно было подчеркнуть значительность главного персонажа.

Судя по некоторым амулетам, в культовой символике Бактрии и Маргианы особое место занимали рисунки растений, которые с упорным постоянством мастера-камнерезы гравировали на своих произведениях. Вместе с тем показательно, что среди таких изображений четко выделяются рисунки кустарника эфедры, и в особенности маков, причем последние показаны как в виде бутона, так и отцветшей коробочки. В этом плане в высшей степени показателен один бактрийский амулет, на котором стебель мака с коробочкой, заполненной семенами, обвивает злобно оскаленная, извивающаяся змея, если не змеиный дракон (рис. 13, № 4)). Почти можно не сомневаться, что эта композиция отражает идею охраны змеинным драконом растения, игравшего особую роль в ритуалах древних бактрийцев и маргианцев, так как теперь

с точностью установлено, что из мака приготавливались специальные одурманивающие напитки, употреблявшиеся жрецами в культовых церемониях.

Наряду с изображением реальных существ имеются и фантастические, в том числе животные с птичьими головами, до определенной степени напоминающие мифологических грифонов. Так, известна печать с изображением крылатого грифона с запрокинутой вверх головой и широко раскрытой пастью. Один каменный амулет сохранил рисунок фантастического существа наподобие грифона с головой и крыльями птицы, а телом хищного животного. Массивное тело грифона опирается на пару когтистых лап, под животом изображено извивающееся мохнатое членистоногое, голова которого тянется к задним ногам грифона. Рисунок с оборотной стороны стерт настолько сильно, что читается лишь извивающаяся змея под животом, предположительно, еще одного грифона.

Грифоны чрезвычайно редки в репертуаре бактрийских мастеров, только лишь еще в Маргиане известен один подобный персонаж: лежащий на земле грифон с телом животного, небольшой птичьей головой, посаженной на длинную шею и повернутой назад, из плеч вверх устремляются длинные крылья.

Небольшую группу составляют каменные и медные амулеты с изображениями змеевидных драконов, на одном из которых выемчатой техникой выгравировано извивающееся существо с четко выделенными ножками. Среди этой группы выделяется амулет, изготовленный из белого известняка, на одной плоскости которого изображена замысловатая плетенка без начала и конца, а на другой — извивающийся дракон с высоким гребнем на голове, огромным выпученным глазом, косматой бородой и ножкой с перепончатой лапкой.

Имеются также медно-бронзовые печати, отлитые в виде извивающихся драконов с ушастой головкой, близко напоминающей мордочки летучих мышей. Исключительного интереса заслуживает изображение извивающегося дракона с антропоморфной мордой: небольшие круглые глаза, широкий мясистый нос, обвислые щеки и широко растянутый в улыбке рот, круглые уши. Изображение дракона с мохнатым змеиным телом и человечьей головой находит впечатляющие параллели в эламской глиптике более древнего времени, что может указывать на культурное влияние, идущее из юго-за-

падного Ирана в Бактрию. Наконец, показательны изображения крылатых драконов с маленькой головкой и извивающимися по-змеиному телом.

Наряду с этим существуют печати, отлитые в виде силуэта змеи; иногда это сильно извивающаяся змея, помещенная в центр круглой ажурной печати, иногда — две переплетенные между собой змеи, возможно в процессе капуляции, наконец — клубок змей, настолько замысловато перекрученный, что с трудом различаются сами рептилии.

Обратимся теперь к другой группе бактрийских печатей, на которых непременными главными персонажами выступают птицы, нередко в сочетании со змеями и драконами.

Помимо чисто схематических изображений, в том числе передающих изображения орлов в геральдической позе, имеются и более сложные. В этом плане показателен массивный круглый амулет из черного серпентина, на одной стороне которого выгравирована птица, возможно орел, но не в застывшей геральдической позе, а напротив, весьма живо и реалистично: она изображена в профиль, с поднятыми вверх крыльями, распущенными хвостом и когтистой лапой. Длинная шея с небольшой головкой сильно изогнута и повернута назад — птица как бы отбивается от настигающей ее опасности. В таком случае потенциальная угроза могла найти свое отражение в рисунке, выгравированном на второй плоскости того же амулета: здесь изображены три извивающихся существа, по-видимому, драконы, широко разинутые пасти которых взаимно впились друг в друга. Взаимопожирающие друг друга существа одной, родственной, породы бесспорно передают идею, противную природе человека — возможно, именно это и хотел сказать своей композицией мастер-камнерез. Создается впечатление, что рисунки с обеих сторон амулета взаимосвязаны логической цепью: птица отбивается от грозящей ей, возможно смертельной, опасности, воплощенной в идее взаимопожирающих драконов.

Доказательством тому может служить маргианский амулет с принципиально сходными изображениями. На одной стороне выгравирован орел в геральдической позе: голова с хищно загнутым клювом повернута в сторону, крылья и хвост распущены. На второй плоскости — переплетенные тела рогатых драконов с открытыми пастью, как бы пожирающих друг друга. Налицо сходная композиция, включаю-

щая противостоящие друг другу изображения: с одной стороны — орлы, с другой — взаимно терзающие друг друга драконы. Считается, что рисунок плетенки без начала и конца имеет магическое значение, символизируя идею вечного движения, но в данном случае составляющие ее и взаимопожирающие друг друга драконы могут символизировать отрицательный момент. Создается впечатление, что птицы, преимущественно орлы, символизирующие идею мощи и всепобеждающей силы — это положительное по отношению к человеку начало, в то время как драконы — отрицательное.

К этой группе изображений близко примыкает еще несколько амулетов с однотипными рисунками птиц. В одном случае это прямоугольной формы амулет с изображением птицы с маленькой, повернутой назад головкой на длинной шее, распущенными крыльями и длинным хвостом. Аналогичные изображения найдены в древней Маргиане, где на одном амулете выгравирован извивающийся дракон с мохнатым телом и широко разинутой пастью, которому противостоит птица в оборонительной позиции с головой, повернутой назад, с распущенными крыльями и хвостом. Сходство в изображении птиц настолько близкое, что исключает элемент случайности и вместе с тем указывает на существование определенного набора персонажей, распространенных в одинаковой степени как в Бактрии, так и в Маргиане. Налицо как иконографическое, так и в особенности семантическое сходство, когда птицы показаны в одинаковой позе — обороняющиеся от опасных для них существ — драконов.

Весьма показательно, что главными персонажами таких композиций часто выступают орлы, которые, видимо, занимали центральное место в древней мифологии и играли, как уже говорилось, положительную роль по отношению к человеку. В одном случае эта гордая сильная птица показана в борьбе с темными силами природы, как бы защищая человека от опасности. В других композициях мы видим ее в сочетании с растениями, что тоже говорит о благожелательности изображения в целом. Примером тому может быть и амулет, где на одной стороне представлен крылатый лев, а на другой — птица, предположительно орел, выполненная весьма реалистично: с взъерошенными перьями, с распущенными крыльями и хвостом, отбивающаяся от атакующего ее сверху дракона со злой оскаленной пастью; под хвостом к ногам пти-

цы тянутся рептилии. Если учесть, что драконы олицетворяли собой отрицательные силы, то в таком случае эта композиция представляет борьбу змей и драконов за обладание "живительной силой", воплощенной в данном случае в образе орла.

Сравнительно редки изображения двуглавых орлов. Известна лишь одна фигурная ажурная печать, в центре которой изображен сильно стилизованный двуглавый орел; в другом случае он выгравирован на каменном амулете. Орел в геральдической позе представляет собой излюбленный мотив в репертуаре древнейшей расписной посуды Ирана, и в первую очередь Элама, однако образ двуглавого орла более всего распространен в глиптике Анатолии и сиро-хеттского мира, где они, подобно бактрийским, нередко заключены в ободок из плетенки. И хотя известна медная перегородчатая печать с изображением двуглавого орла, происходящая из Элама, она больше напоминает бактрийские, откуда, возможно, и была импортирована на крайний юго-запад Ирана.

Особого интереса заслуживает медный амулет с изображением дерева, на котором сидит пара птичек с поднятыми вверх крыльями, верхушка ствола имеет веерообразное завершение, напоминающее пальму. Подобные изображения в древнеиранской глиптике связываются с данными "Авесты", где упоминается дерево, на котором собраны семена всех растений мира. Сидящая на дереве птица обдирает ветви, тогда как другая птица подбирает упавшие семена и несет в небо, откуда они, смешавшись с дождем, падают на землю и снова прорастают, символизируя тем самым всеобщую идею плодородия.

Центральную часть второй стороны того же амулета занимает фигура двугорбого верблюда-бактриана в профиль, с поднятой вверх головой; младенец держит его за повод. И здесь сделаем небольшое отступление. Тема верблюд и держащий его на веревке человек представлена не только в глиптике Бактрии, но и Маргианы, что указывает на достаточно большую популярность композиции в искусстве этих двух стран. Иногда оба персонажа — человек и верблюд — показаны в единой композиции, иногда — верблюд на одной, а человек — на другой стороне одного и того же амулета, как это, например, отмечено для небольшого каменного амулета в северной Бактрии.

В этой связи необходимо отметить, что в "Авесте" верблюд — самое высокочтимое животное, а то постоянство, с которым древние мастера изображали именно двугорбого верблюда-бактриана, не оставляет сомнений в его местном, бактрийском происхождении. Вместе с тем в высшей степени показательно, что явно не случайно на таких амулетах верблюда за повод держит человек, утверждая себя владетелем этого конкретного животного. А ведь имя новоявленного пророка Заратушты некоторые специалисты переводят как " тот, кто ведет верблюдов" — изображения на амулетах в этом свете получают особую значимость. Более того, на бактрийском амулете изображен не просто человек, а младенец, держащий верблюда за повод, как это хорошо видно на рисунке на обложке этой книги — возможно, действительно отражая этимологию или, иначе, значение имени Заратушты, который в молодости какое-то время мог быть пастушонком.

Великолепный амулет встречен был в храме Тоголок-21: выточенный в виде верблюда, облизывающего свою заднюю ногу. Тонкая, почти ювелирная моделировка обнаруживает высочайшее мастерство безвестного мастера-камнереза, причем сам образ двугорбого бактриана указывает на его местное изготовление (рис. 42, N 1).

Но бесспорно особый интерес представляют печати с изображением стоящей птицы с поднятыми вверх крыльями, под хвостом которой помещена извивающаяся змея, более крупная змея или дракон — по кругу, кольцом охватывает птицу, как бы душит ее. Они напоминают аналогичное изображение, отмеченное на каменных амулетах, и выражают идею противостояния, борьбы между змеями и драконами за обладание птицей.

Об еще более сложных мифологических представлениях можно судить по обломку стеатитового амулета, на котором сохранилась часть композиции в виде парящего орла, держащего в лапах какое-то животное с широко расставленными ногами.

Интересен амулет из Бактрии с изображением лежащего человека и атакующего его сверху орла, невольно вызывая в памяти греческую легенду о Прометее, давшем людям огонь. Следует отметить всю сложность расшифровки символики подобных композиций, когда одному и тому же образу птицы соответствуют то взаимопожирающие друг друга дра-

коны, то растения и звери, лишний раз указывая на все многообразие мифологических представлений древних.

Другая тема, столь же популярная в бактрийско-маргианской глиптике, связана с изображением крылатых львов в окружении змей и драконов. Один такой образец, выточенный из черного стеатита, был встречен при научных раскопках в Бактрии. Сохранился великолепный сочный рисунок шагающего вправо льва с разинутой пастью, косматой гривой, крыльями, вырастающими из плеч, и длинным хвостом, заброшенным на спину. Эта находка ценна для нас тем, что дает право относить к эпохе бронзы амулеты со сходными изображениями крылатых львов, но происходящие не из научных, а из грабительских раскопок Бактрии.

Близкое изображение имеется на каменном ромбическом амулете, где крылатому льву соответствует дракон со злобно разинутой пастью, выпущенными глазами и извивающимся мохнатым телом. Исключительного интереса заслуживает изображение крылатого льва с человеческой головой, с бесспорностью указывая на существование у бактрийских племен синкетических образов, некогда бывших персонажами местных мифов. Показательно, что и здесь под животом изображена извивающаяся рептилия, которая тянется к задним ногам этого фантастического персонажа, отчасти напоминающего сфинкса. Считается, что сфинкс — чисто египетское изобретение, которое позаимствовали греки и которое в таком случае, возможно, принесли с собой в Бактрию пришлые с запада племена (рис. 43, N 1).

Эти изображения бывают нанесены на большие и малые амулеты. Так, на маленьком амулете из белого известняка с одной стороны выгравирован точно такой же крылатый лев, под животом у которого извивается рептилия. На второй плоскости выгравирован рисунок орла в геральдической позе: голова с хищным клювом повернута в сторону, крылья широко распластерты, хвост распущен веером. Еще одно изображение крылатого льва выгравировано на черном стеатитовом амулете, причем на обороте ему соответствует замысловатая плетенка без начала и конца.

А о том, что изображения львов в сочетании с рептилиями имели глубоко символическое значение, можно судить по одной стеатитовой с золотой обтяжкой печати (рис. 44, N 2). На ней изображен лев с хвостом скорпиона, из-под задних

ног которого как бы вырастают две сильно извивающиеся змеи, если не змеиных дракона, со злобно оскаленными зубастыми пастьми и высунутыми жалами. Налицо закодированное изображение, связанное не только с фаллическими культурами, но в первую очередь с символом змей — охранителей "живительного семени", источника всей жизни на земле. Такие культовые представления широко были распространены среди бактрийских и маргианских племен, когда змеи или драконы, овладев "живительным семенем", ревниво охраняют его друг от друга.

Львы с хвостами скорпионов известны на печатях Месопотамии, но выползающие из-под их задних ног змеи или змеиные драконы — это уже чисто бактрийское изобретение, отражающее охранительную идею.

Великолепным образцом подобного типа изображений может служить круглой формы амулет из Маргианы. На одной из его плоскостей выгравировано животное, отдаленно напоминающее льва в профиль: массивная голова с четко моделированным круглым глазом и с разинутой пастью переходит в шею, украшенную сверху лохматой гривой. Мощное тело опирается на пару когтистых лап, однако хвост, в противоположность многим другим подобным изображениям, не заброшен вверх, а опущен вниз. Как бы обвивая тело зверя, из-под живота его, изгибаясь, поднимается, судя по огромным размерам, дракон, изящная головка которого показана в злом оскале. На обороте выгравирована птица: небольшая головка с преувеличенно большим глазом переходит в мягкое изогнутое тело с длинным хвостом и поднятыми вверх крыльями. Птицу обвивает, вероятнее всего дракон: оскаленная, широко разинутая пасть его и злые глаза дополняют устрашающий облик этого существа. В целом же оба изображения отражают идею охраны птиц и животных драконами, сумевшими овладеть ими, а в конечном счете и их жизненной силой.

Показателен бактрийский амулет с типично месопотамским изображением двух животных с одной, общей для них, головой. Под животами, как бы выползающие из-под их задних ног, выгравированы драконы с широко раскрытыми пастьми. Опять-таки кажется, что драконы охраняют свою собственность от возможного посягательства. Причем на мургабском экземпляре для усиления впечатления мастер даже

хвостам животных придал вид извижающихся драконов, агрессивно угрожающих по своему характеру. Налицо общая идея — стремление охранить животную жизнь от возможного посягательства со стороны других существ, скорее всего, рептилий и членистоногих. Здесь же отметим тематически близкое изображение на другом, но небольшом амулете, где на одной плоскости изображен зверь с повернутой назад, как бы огрызающейся, мордой, а на другой — змея или дракон с разинутой пастью, обвивающие птицу.

Исклучительного интереса заслуживает массивный круглый амулет из черного серпентина. На одной его плоскости сохранилось сильно стертное изображение крылатого льва, которому на другой стороне соответствует косматое человеческое лицо со злом вытаращенными, округлившимися от бешенства глазами, раздутыми ноздрями и широко торчащими в стороны длинными бакенбардами. Это одно из немногих изображений, выполненных с большой внутренней экспрессией, передающее образ какого-то чудища местной, бактрийской мифологии.

Близкое, если не идентичное, изображение сохранил другой каменный амулет прямоугольной формы. Подобно вышеописанному, здесь также с одной стороны — изображение животного с извижающимися змеями под животом, а с другой — человеческая личина с косматыми волосами и длинными, разлетающимися в стороны бакенбардами. Налицо достаточно определенный антропоморфный персонаж бактрийской мифологии, гравированные изображения которого устойчиво повторялись на каменных амулетах.

Образ быка, видимо, символизировал собой идею силы и мощи и особой плодовитости. Для изображений этих животных Бактрии и Маргианы характерны массивное тело, мощный загривок, необычная голова с загнутыми рогами и заданный вверх хвост. Среди этой группы печатей исключительного значения заслуживает одна, на которой хвост быка передан в виде растения с длинными стеблями и грушевидными плодами, и такое же растение как бы вырастает из его фаллоса. Это образ не только мощи животного мира, но и плодородия растительного, — символ всеобщего плодородия.

То постоянство, с которым бактрийские мастера-камнерезы тиражировали на своих произведениях одни и те же,

повторяющиеся изображения, явно не случайно. Свидетельством тому могут служить амулеты, происходящие с другого конца этой части древнеземедельческого мира, из Маргианы. Именно здесь впервые были встречены подобные амулеты, давшие само название "амулеты мургабского стиля". Кстати будет отметить, что подобные амулеты из разграбленных могил Бактрии еще раньше появились на антикварных рынках Тегерана, однако необычность сюжетов и образов, выгравированных на них, заставила специалистов усомниться в их подлинности. Долгие годы эти изделия пылились в фондах луврского музея, пока не были опубликованы сходные амулеты из Маргианы, но происходящие из научных раскопок, что подтвердило их взаимную подлинность. Лишь после этого французские специалисты решились опубликовать коллекцию подобных амулетов, некогда скупленных на антикварных рынках Ирана.

Возвращаясь к амулетам, найденным в бассейне древней дельты реки Мургаб, отметим один из них с рисунком, в деталях повторяющим вышеописанные бактрийские. Крылатый лев в профиль, с широко раскрытым пастью и далеко заброшенным на спину хвостом, под животом — пресмыкающееся с двумя парами ножек, голова которого приподнята и тянется к задним ногам льва. Налицо не только композиционная и стилистическая близость. Но Бактрию и Маргиану разделяют многие сотни километров, и невозможно допустить происхождение этих амулетов из одного общего центра.

Из древней Маргианы происходит еще один амулет со сходными двусторонними изображениями хищников, скорее всего стилизованных львов в профиль, с выделенной гривой и крыльями. Под животами зверей помещены извижающиеся змеи, как бы выползающие из-под задних ног, причем хвосты львов также переданы в виде змей или драконов.

Крылатые львы достаточно широко представлены в глиптике Месопотамии, откуда они, скорее всего, были перенесены далеко на восток — в Бактрию и Маргиану. Однако этот явно мифологический образ получил на бактрийской почве дальнейшую местную переработку. Это выразилось, в частности, в том, что изображения змей помещались под животами зверей, причем на одном мургабском амулете извижающаяся змея тянется к задним ногам тигра-самца, не оставляя сомнений в культово-фаллической символике. Этот

"фаллический символизм", по выражению французского ученого П.Амье, буквально пронизывает сюжетные композиции глиптики Бактрии и Маргианы, отражая едва ли не генеральную тему местного мифотворчества.

В самом деле, именно отсюда происходят амулеты, где змеи и драконы борются между собой за право овладения и "живительным семенем". Так, на одном маргианском амулете изображена мчащаяся в паническом страхе антилопа, которую спереди атакует дракон, в то время как у ее задних ног изображен другой извивающийся дракон. В еще большей степени показателен маргианский амулет, где в центре в спокойной позе изображен бык, на которого сверху и спереди бросаются два дракона с широко разинутыми пастью, а под животом, у задних ног — свернувшаяся в кольцо змея. Наконец, известен еще один крупный амулет, где опять в центре показан бык, а под ним — вставшая на хвост змея, голова которой упирается в его живот. Можно и дальше перечислять композиции на аналогичную тему, когда змеи и драконы ведут борьбу за обладание животными и птицами, и в первую очередь быками и орлами, олицетворяющими собой мощь и силу.

Драконы — носители явно отрицательных начал, они атакуют сверху мирных животных, разинув пасти и выпучив глаза, набрасываются на свою жертву. Наконец, взаимно пожирающие друг друга драконы, встреченные уже на нескольких амулетах, лишний раз подчеркивают отрицательное отношение человека к этим отвратительным существам.

Не случайно на отдельных амулетах животные и птицы изображены в оборонительной позе: с головой, повернутой назад, они как бы отбиваются от страшных преследователей, которых мастера-камнерезы чаще всего изображали в образе драконов. В одном случае это грифон с повернутой назад головой и раскрытым кловом, на обратной стороне ему противостоит изображение взаимопожирающих драконов. В другом — взъерошенный орел с распущенными хвостом и крыльями и повернутой назад головой, которому опять-таки на другой плоскости противостоят три терзающих друг друга дракона. Та же идея воплощена в амулете, где на одной стороне — огрывающееся животное, а на другой — извивающийся дракон.

Уже из этих наблюдений можно заключить, что животные, птицы, рептилии и членистоногие выражали положительные для человека силы, которым во многих случаях противостоят отрицательные персонажи, и в первую очередь змееподобные драконы (рис. 45). Не совсем ясен смысл фантастических существ, таких как грифоны и крылатые львы, возможно занимавших особое место в культовой символике, но в целом также благожелательных для человека. Думается, что рассмотренные амулеты являлись апотропеями, то есть предметами, призванными отвращать беду от людей, буквально пронизанными дуалистической идеей борьбы добрых и злых сил, положительного и отрицательного.

Очевидно, что амулеты, содержащие явно сюжетные композиции, отражают древний повествовательный фольклор, в котором видное место занимают змеи, драконы и крылатые львы. Хотя реальные львы здесь не обитали, зато крылатые львы представлены в глиптике Ирана, и особенно Месопотамии; в последнем случае они, согласно письменным источникам, ассоциируются с Нергалом — богом подземного царства. Правда, на месопотамских цилиндрах крылатый лев всегда показан в движении, часто на задних лапах, нередко противоборствуя с героями и богами. Если этот образ и был навеян ирано-месопотамской глиптикой, то в бактрийско-маргианском центре он получил новую иконографическую и смысловую переработку. Более того, поражает строго выдержанная, можно сказать, каноническая поза: в профиль, влево, с разинутой пастью, вздыбленным загривком, заброшенным на спину хвостом, часто торчащим из-за крыльев.

Точно так же, хотя образы змей достаточно широко распространены были в глиптике Ирана, на бактрийской почве они получают новую смысловую переработку: здесь змеи не просто сопутствуют изображениям людей и животных, но похищают у них "живительное семя". В общей форме эта генеральная идея невольно вызывает в памяти известный сюжет древнешумерского эпоса "Сказание о Гильгамеше". Этот цикл песен — величайший памятник древневосточной поэзии — повествует о действиях месопотамского героя Гильгамеша, захотевшего в конце концов обрести бессмертие. Пройдя подземным путем сквозь обитаемый мир, Гильгамеш переправляется через воды смерти и наконец встречает единственного человека, обладающего бессмерти-

ем, который в конце концов дарит герою цветок бессмертия. Обрадованный Гильгамеш спешит назад, но не успевает воспользоваться даром: во время купания цветок похищает змея и, сразу же сбросив кожу, молodeет. А о том, что местные племена были знакомы с героями сказания, свидетельствует крупный маргианский амулет, где изображен человек с поврежденными быками, в окружении все тех же змей, в том числе между его ног.

Думается, что в общей форме рассмотренные композиции амулетов в основной своей идее сходны: змеи похищают у животных и птиц их семя, символизирующее продолжение всеобщего плодородия и в конечном счете продолжение самой жизни. Вместе с тем на ряде амулетов злобные драконы, разинув пасти, атакуют этих же птиц и животных, как бы пытаясь помешать змеям. Создается впечатление, что змеи и драконы составляют взаимную оппозицию, они борются друг с другом за право обладания "живительным семенем" животных и птиц для продолжения жизни на земле, так что змеи и драконы являются непримиримыми врагами. Хотя расшифровка подобных "закодированных", но бесспорно повествовательных сцен представляет определенные трудности, отдельные амулеты сохранили изображения, которые могут быть объяснены только однозначно.

Особое место среди бактрийско-маргианской глиптики занимает небольшая, но бесспорно оригинальная группа цилиндрических печатей, происходящих из грабительских раскопок могильников Бактрии. Точно такие же цилиндрические печати в самые последние годы были найдены в Маргииане, а все вместе они дают документальные и бесспорные свидетельства распространения месопотамской глиптики далеко на восток — в Бактрию и Маргиану. Уже было отмечено наличие сходных цилиндров-печатей в северо-восточном Иране, своего рода промежуточном пункте их распространения — от передовых центров Двуречья до Амударии и Мургаба. Почти все они имеют форму цилиндра либо со сквозным отверстием по длинной оси, либо с ушком на одной из торцовых частей, — и тогда отдаленно напоминают миниатюрные гирьки. Одна такая цилиндрическая печать сохранила изображение льва, преследующего, предположительно кабана, и змей под их животами. Другой лазуритовый цилиндр с ушком сохранил насыщенный узор, в центре которого —

фигура животного с заданным хвостом и торчащими ушами на круглой, шарообразной голове. Снизу под животом изображена извивающаяся змея, которая тянется к задним ногам животного, а над его спиной — козел с повернутой назад головой. Налицо основная тема композиции, неоднократно повторявшаяся на многих каменных амулетах, опять связанная с похищением змеями "живительного семени" у животного.

Удивительно тонкая и вместе с тем сложная композиция, выгравированная на бронзовой цилиндрической печати, включает шесть групп фигурок. За исключением только одной фигуры — сидящей птицы — все остальные персонажи показаны парами. В верхнем регистре мужчина придерживает за бедра свою партнершу, рядом с ними — корова и бык. В следующем, среднем, регистре пара двугорбых верблюдов-бактрианов соседствует с козой и козлом, причем в обоих случаях самцы показаны стоящими на задних ногах. Наконец, в третьем, нижнем, ярусе опять выгравирована пара горных баранов, где самец стоит на задних ногах и рядом — две собаки, стоящие спиной друг к другу.

Если смысловое значение многих других печатей-цилиндров еще не совсем ясно, то рассматриваемое изображение является счастливым исключением. Подобные печати-амулеты призваны были увеличить плодоносящие силы природы и в конечном счете выражают идею всеобщего плодородия. Очевидно, что наряду с обычными амулетами-оберегами универсального значения, призванными огородить и защитить человека от всех возможных жизненных невзгод, существовали амулеты, связанные с симпатической магией.

Наряду с вышеописанным известны другие, как например, две группы симметрично расположенных коз, стоящих на задних ногах и как бы прыгающих вверх, с повернутыми друг к другу головами. В верхней части изображены две извивающихся змеи с широко разинутыми пастьми, между прыгающими козами помещены рисунки скорпионов.

Близкие зооморфные изображения имеются еще на одном бирюзовом цилиндре, где они располагаются в два ряда. В нижнем ярусе идет процесия горных баранов, во втором ряду изображен, предположительно, волк, как бы ныряющий в сторону баранов, а также извивающаяся змея и рядом, возможно комбинированное, фантастическое существо.

Особого интереса заслуживает цилиндрическая печать с изображением всадника верхом на лошади. Над крупом лошади помещена миниатюрная фигура предположительно еще одного животного, сзади — шагающий человек. Вся композиция отличается большим реализмом исполнения, это особенно касается фигуры породистой лошади с плавно изогнутой шеей, выброшенными вперед передними ногами — возникает образ скачущего коня. Кажется, это первое и наиболее раннее изображение верховой лошади не только Афганистана, но и южных областей Средней Азии, что представляет большой интерес в связи с историей древнего коневодства. И может быть не случайно в соседнем иранском Хорасане, на холме Гиссар, из трех найденных цилиндров-печатей одна сохранила изображение колесницы, в которую впряженна лошадь.

Сложными мифологическими представлениями веет от цилиндрической печати с явно повествовательной композицией. Центр ее составляет высокое прямое дерево с широкой раскидистой кроной, нижние ветви имеют необычные округлые завершения, на которых сидят две птички. По обе стороны от дерева стоят две фигуры горбатых зебувидных быков индийской породы с длинными опущенными хвостами. Над быками выгравирована летящая птица, которую преследует сильно извивающийся дракон с раздвоенным на конце хвостом. Мотив дерева с противостоящими фигурами животных и птицами на ветвях довольно широко распространен и в искусстве Древнего Востока, однако, ветви, заканчивающиеся шишечками и кружочками, а также четко выраженный принцип симметрии более присущи сиро-хеттской глиптике, что отражает реальное влияние, идущее на восточную периферию из передовых центров.

Следующая печать сохранила сложную композицию также тематического содержания. Здесь в центре крупным планом показана летящая птица, сзади нее — рыбы и рядом, по-видимому человек на полусогнутых ногах, за спиной которого изображен, вероятнее всего вставший на хвост дракон с широко разинутой пастью.

Выше уже упоминалась цилиндрическая печать, центральное место на которой занимает рисунок двугорбого верблюда-бактриана, украшенного плюмажем на голове. Перед верблюдом на корточках сидит человек, держащий его за

повод. На втором плане — горбатый бык, как бы поднявшийся на задние ноги, а выше — предположительно собака. В этой повествовательной композиции главное место занимает человек, держащий на поводу верблюда, что нельзя не сопоставить с тематически близким изображением на вышеописанных бактрийских амулетах (сцена ребенка, держащего за повод верблюда). Но независимо от уточнения семантики изображений важно отметить документально установленный факт существования одних и тех же композиций, передающих фольклорные повествования, некогда распространенные среди людей, обитавших в двух таких отдаленных регионах, как Бактрия и Маргиана. Там же, в Маргиане, найден обломок толстого сосуда, на котором гончар или его подмастерья еще до обжига, по сырой глине сделали прокатки двух цилиндров. На первом оттиске имеется два яруса изображений, разделенных горизонтальной полосой плетенки. В верхнем ярусе изображена сцена борьбы быка и льва, между которыми расположено деревце. Фигура горбатого быка показана в явно оборонительной позе, с низко опущенной головой и выставленными вперед острыми рогами. Лев изображен агрессивным: с большой головой, широко разинутой пастью, густой, развеивающейся гривой. Лев припал к земле, передние лапы его выставлены вперед, живот подобран — он готовится прыгнуть на свою жертву. В нижнем регистре, предположительно, изображена процесия идущих и летящих птиц с длинными вытянутыми шеями. Под этим оттиском частично сохранилась прокатка второго цилиндра, где в нижнем ряду показаны все те же противоборствующие фигуры горбатого быка и, возможно, льва, а в верхнем ярусе помещены силуэтные фигурки летящих птиц, вытянувшихся в цепочку.

Среди находок из разграбленных могил Бактрии происходит одна — серебряная печать с уникальной сценой: изображен бородатый человек с тюрбаном на голове. Одна рука его вытянута вперед, а другую, поднятую вверх, обвивает змея. Над головой его показана птица, перед лицом — растение с длинными стеблями и плодами в виде трех зерен. Аналогии этой композиции неизвестны, но "ассирийская" борода, змея и птица (популярные персонажи печатей Бактрии) с уверенностью указывают на принадлежность печати эпохи бронзы (рис. 44, N 4).

Самостоятельную и обширную группу образуют печати, орнаменты которых построены по принципу розетки, составленной из нескольких фигур, расходящихся от центра в стороны — например, из четырех голов баранов с круто выкрученными рогами, морды которых упираются в центральный кружок. В другом случае это массивные печати, орнаменты которых образованы четырьмя извивающимися змеями, расходящимися в стороны от центра. Нередко рисунки таких печатей построены на четырех фигурах орлов, изображенных в геральдической позе, но крестообразно, так, что хвосты их сходятся в центре печати. Известна серебряная печать, образованная четырьмя сидящими птичками — своеобразный крест. Наряду с круглыми печатями есть и массивные квадратные печати, в четырех углах которых помещены однотипные рогатые головы животных, расходящиеся из центра печати.

Помимо печатей известны медно-бронзовые амулеты, украшенные розеткой, состоящей из прото животных. Один такой амулет крестовидной формы происходит из могилы южно-узбекистанского поселения Сапаллитепа, где он входил в состав погребальных приношений. На одной стороне его имеются изображения четырех змей, расходящиеся из одного центра, на другой — розетка, составленная из протомы козы, кабана, крылатого грифона и, возможно, льва. Показателен другой великолепный лазуритовый амулет, также выточенный в виде уступчатого ромба. На одной стороне его изображен скорпион, а на другой — розетка, составленная из протом хищников, возможно, львов, но выполненных весьма схематично и обобщенно. Львы показаны в профиль, с вздыбленными загривками, раскрытыми пастьми и лапой, выброшенной вперед; все четыре фигуры как бы выходят из одной точки, расположенной в центре амулета.

Помимо Бактрии имелись также печати и в Маргиане, как например, одна, составленная из трех орлиных головок, образующих вихревую розетку, близко напоминая изображения, происходящие из Турции, где печати были встречены при раскопках дворца Агемджук, и из Дильмуна, с побережья Персидского залива.

Амулеты и печати Бактрии и Маргианы дают возможность сделать несколько предварительных выводов. У местных племен существовали металлические печати и каменные

амулеты. Хотя символы, изображенные на них, в целом одинаковые, металлические печати имели более светский характер, в то время как каменные печати-амулеты — преимущественно культовое назначение, например в качестве апотропеев, то есть амулетов, призванных отвратить от бедствий их владельцев. Более широкое назначение — у перегородчатых печатей, свидетельством чего являются их оттиски на глине, которые определяются как бирки торговцев. В ряде случаев археологам попадались отпечатки, воспроизведившиеся неоднократно, а главное — с разных печатей по одному куску глины. Создается впечатление, что если не каждый взрослый житель, то по крайней мере все главы семей имели свои печати, игравшие роль семейных символов собственности. Не исключено, что в больших семьях каждый глава малой семьи имел свою печать, но все они являлись символами каждого конкретного большесемейного коллектива. Вместе с тем налицо религиозно-магический аспект печатей, получивший свое отражение в вышеотмеченных орнаментах. Очевидно, что печати все еще тесно связаны с магией. Думается, что печати, являясь символами собственности, вместе с тем сохраняли еще глубокое магическое значение. В этом плане особого интереса заслуживает тот факт, что наиболее популярным изображением на печатях является крест. Кресты в различных вариантах и модификациях постоянно присутствуют на многих печатях: либо включенные в центре более общего орнамента, либо имеющие самостоятельное значение. Крест — едва ли не самый древний символ в искусстве Передней Азии, где он по преимуществу имел смысл оберега. В таком случае не исключено, что этот древнейший символ, сначала использованный в росписи художественной керамики, затем был перенесен в качестве магического орнамента на печати, но все более приобретает юридическую силу, как символа собственности.